

От ненависти До любви

**АЛЛА
ПОЛЯНСКАЯ**

ВСТРЕЧА ОТ ЛУКАВОГО

Алла Полянская

Встреча от лукавого

Серия «От ненависти до любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11655438
Встреча от лукавого : [роман] /Алла Полянская: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-82877-7

Аннотация

Ангелина Яблонская, начальник отдела рекламы, в один отнюдь не прекрасный день нашла сомнительные документы со своей подписью. Но она ничего не подписывала! Она поделилась проблемой с коллегой и подругой Люсей, а в результате – публичный разнос от шефа и увольнение с позором! Казалось бы, хуже уже быть не может, но когда Лина вернулась домой раньше времени, она услышала из прихожей, как муж и свекровь обсуждают чьи-то похороны... ее похороны! Им давно приглянулась квартиры Лины, а сама она только мешалась под ногами...

Что ж, раз она все равно никому не нужна, Лина решила покориться судьбе. Она только оформила завещание на своего брата и его дочь – не оставлять же убийцам вожаденную квартиру! В назначенный день Лина влезла на крышу высотки и стала ждать киллера. И он появился! Но так случилось,

что убивать ее он не стал. С этого момента и начались их общие неприятности...

Содержание

1	6
2	25
3	35
4	54
5	76
6	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Алла Полянская

Встреча от лукавого

© Copyright © PR-Prime Company, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

*** * ***

1

Моя смерть назначена на сегодня, часов на пять.

Крыша теплая, несмотря на начало октября, и на ее черном фоне ярко выделяются желтые листья. Как они сюда попали, четырнадцатый этаж все-таки?.. Я села на теплый рубероид, оперлась спиной о кирпичный выступ воздуховода и стала ждать. У меня в запасе было полчаса.

Нет, можно сейчас куда-то бежать, суесться, прятаться, но выглядеть это будет жалко и смешно. Когда нанимают убийцу, он в любом случае сделает свое дело, потому что у него нет к объекту ничего личного – это просто бизнес. Бегай не бегай...

Я посмотрела на город – даже если бы не было этих желтых листьев, даже если бы не видно было облетевших кленов на бульваре, я бы знала, что сейчас осень – по цвету реки. Она разная – весной и летом, а осенью и вовсе особенная, даже в солнечный день она очень синяя, нахмуренная, не то что летом. Хорошо бы сейчас пойти туда, побродить по песку, зайти в воду ненадолго – промочить ноги и чувствовать себя живой, до последней клеточки живой и настоящей. Потому что впереди есть завтра, и это «завтра» длинное, на годы – оно все есть и есть, оно никогда не заканчивается.

Но сегодня – это сегодня. И никакого «завтра» уже не будет.

Никогда так хорошо не дышится, как за полчаса до смерти.

Нет, уже меньше.

Не могу сказать, что я не боец. Нет, я всегда умела постоять за себя. Но сейчас во мне словно что-то сломалось, и пришел покой. И мысль о том, что скоро придет конец, меня не особенно тревожит – я сижу, смотрю на реку и думаю о том, что сказал Гендальф насчет той стороны – серая, как дождь, завеса этого мира отдернется, и откроется серебристое окно, и там будут белые берега. А за ними – далекие зеленые холмы под восходящим солнцем. Я представляла себе этот новый мир, в который я войду, и никуда не хотелось бежать. Все, что тревожило меня и причиняло боль, я оставляю здесь.

Ежедневная беготня за материальными благами – это глупо, так глупо! Вот сижу я на крыше и думаю о том, что не заберу с собой ничего. То есть вообще – ничего. Кроме воспоминаний, если предположить, что Гендальф сказал правду, хотя с чего бы ему врать?

Они решили, что избавятся от меня. В какой-то момент мне вдруг стало смешно – ну что они могут себе забрать, мою квартиру? О господи. Это мой муж, с которым я прожила пять лет, и его мать.

Я узнала об этом неделю назад. Как-то все быстро стало сыпаться, одно за другим – сначала я подала на развод. Наняла адвоката, заплатила ему и расслабилась – процесс бу-

дет идти без меня. Я хотела развестись давно, на то были причины, но решилась только сейчас, потому что настал момент, когда удельный вес моего пофигизма стал меньше того, что приходилось терпеть. К этому все шло, и мы с Виктором оба это понимали, а потому он воспринял мое сообщение о грядущем расставании с покорностью святого, смирившегося со своей судьбой. Мы договорились, что он поживет в моей квартире до развода, а тем временем найдет себе жилье. С его же стороны последовало обещание, что его мать перестанет к нам приезжать. Машину мы договорились оставить ему, он обещал выплатить мне половину ее стоимости. И хотя кредит погашала я, но это мелочи – плата за свободу. Адвокат покивал – что ж, это мое решение, он был настроен забрать в мою пользу совершенно все, Виктор ему явно очень не понравился. А я решила – пусть. Я все равно мало езжу на машине.

Решив все так, я успокоилась. Суд был назначен через две недели. Ничего особенного, другие люди тоже разводятся, это не трагедия. Виктор решил адвоката не нанимать, так что на суд он пойдет сам, а я считала, что мне это не нужно.

И все было неплохо – ровно до тех пор, пока через неделю после того, как из суда прислали бумагу, уведомляющую стороны, то есть нас с Виктором, о дате слушания, с легкой руки моей лучшей подруги меня не уволили с работы. Я пришла домой раньше, чем прихожу каждый день, и услышала разговор дражайшего супруга с не менее дражайшей свекро-

вью, которая не должна была больше приезжать в мою квартиру в соответствии с нашими договоренностями. Но она сидела в моей гостиной, и они с Виктором деловито обсуждали, как нужно организовать похороны, когда полиция отдаст тело, и сокрушались, что все очень дорого, а оставить труп в морге тоже нельзя – соседи осудят, и родня не поймет, так что придется потратиться на приличный гроб... Я сначала подумала, что умерла свекровкина мать в Костроме, но она жила со своей второй дочерью, и хоронить ее, если что, будут там – да и с чего бы ее тело забирать из полиции?

А потом муж сказал:

– Ее брат приедет, вопросы будет задавать.

– Ну и скажем, что кто-то ее убил, пусть в полицию обращается. Он никто, какой-то компьютерщик! Поспрашивает, на том и сядет. Не бойся, сына. Смотри, как все удачно: мы и время знаем – после обеда, ближе к вечеру, подготовим алиби на всякий случай. А потом человек привезет фотографии трупа, и остальное тоже, я отдам ему остаток денег, и ты свободен. Изобразишь безутешного вдовца, а через пару месяцев забудешь все как страшный сон. Нельзя допустить развода, эта квартира не подлежит разделу, я узнавала. Ты останешься ни с чем.

– Мам... Это все-таки очень опасно.

– А что ты предлагаешь? Она разведется с тобой, и ты останешься на улице! Я, конечно, приму тебя, но зачем такие жертвы? Еще и деньги ей за машину заплатишь! А так –

детей у вас нет, кому она нужна, чтобы копаться в ее смерти? Каждый день людей убивают, тоже мне – проблема. Нет, сына, не для того ты пять лет терпел ее, чтобы в итоге...

И я поняла, что это они о моих похоронах договариваются. А страшный сон – это я. Нет, ну нормально? Страшный сон, значит. В принципе, я и сама давно была не рада нашему сосуществованию, но чтобы такое? И ведь очень креативное решение, если вдуматься. Пожалуй, для моего мужа это отличный выход. Но мне отчего-то он не нравится. Мне отвратительно думать, что свекровь и муж будут трястись над каждой копейкой, и в итоге на моей могиле сиротливо забелеет фанерная табличка с надписью: Ангелина Яблонская, 28 лет, главная лузерша страны. В общем, я это услышала, и, конечно, не обрадовалась.

Я минуту стояла в прихожей, замерев от удивления и ужаса. Потом попятилась к двери и выскочила на лестничную площадку, тихо заперев замок. Это я покупала замок – хороший, израильский, практически бесшумный, дверь тоже добротная – тяжелая, бронированная, обитая дубом, она открывается и закрывается с мягким, едва слышным щелчком. Я обустроивала свое жилье, не жалея денег, – ну, как же, мое собственное гнездо! Квартиру эту оставила мне бабушка – мать папы. У нас с братом разные отцы и, соответственно, разные бабушки, хотя они обе не делали между мной и Петькой разницы, принимая нас у себя. Но квартиру бабушка Маша все-таки оставила мне – родная внучка, един-

ственная, опять же. И еще пополам с Петькой нам досталась старенькая дача постройки сороковых годов прошлого века, и брат получил старинные золотые дедовские запонки с бриллиантами, продав которые, он купил себе квартиру в Питере, потому что там у него была работа. А родня шепталась, что вот ведь Петька внук не родной, а Маша святая – его не обделила.

Мне эти разговоры были ненавистны, как и все, что родственники развели вокруг бабушкиных похорон, она, я знаю, ненавидела мещанские условности и всегда их высмеивала. Но что можно доказать этим людям, непонятным образом оказавшимся моими родственниками? Они понимают скорбь как нечто показное, как демонстративные слезы и черные траурные одежды – может быть, оттого, что на самом деле никакой скорби не испытывают, а вздыхают с постылыми лицами потому, что так «положено». Зачем они явились на бабушкины похороны, тоже было неясно, я забыла о них сразу же, как только они закрыли за собой дверь. Мне ни к чему эти незнакомые люди, которым плевать на бабушку, но очень хочется поучаствовать в тусовке.

Мы с Петькой горевали о бабушке Маше одинаково, потому что она и все, что связано с ней, – это было наше счастливое детство. Она сумела нам его организовать, Петька никогда не чувствовал себя «неродным внуком», хотя, конечно, фактически бабушка Маша была только моя. После ее похорон я моментально выбросила из дома всю родню,

желающую порыться в бабушкиных комодах, и мы с Петькой стали осторожно разбирать ее платья, кофточки, шляпки и ридикюли. И плакали, понимая, что вместе с бабушкой Машей ушло от нас что-то важное и настоящее. Счастье. И теперь мы уже не любимые внуки, а взрослые граждане, и в этой взрослой жизни у Петьки есть гангрена-жена, неведомо как им приобретенная, а я и вовсе пока бултыхаюсь, как есть. И больше никогда мы не увидим нашу бабушку Машу – веселую, заводную, в вечной шляпке, набекрень сидевшей на тщательно завитых кудрях. Это был худший день в моей жизни, все бабушкины вещи мы просто вывезли на дачу. Выбросить рука не поднялась. На даче бываем только мы с Петькой, да еще он дочку свою берет. По негласному нашему с ним договору ни мой супруг, ни Петькина жена Светка там не бывают. Тут не столько даже мы договорились, сколько так вышло, что наши «половины» оказались эмоционально ущербными, и наш домик не выдержит их присутствия. Он такой милый, построенный на берегу реки – в этом месте раздавали дачи ученым, а родители бабушки Маши как раз и были научными работниками в каком-то техническом институте. Дача находится в уютном дачном поселке всего в пяти километрах от города, мне туда ездить очень удобно, а Петьке из Питера немного далековато, но он ездит. Там мы разжигаем мангал, жарим шашлыки, я вожусь с цветами, а Петька занимается немудреным ремонтом или уборкой на участке. Участок большой, полгектара, мы оставили

там все, как было, — заросли сирени, клены, тропинку к берегу реки, огромную старую грушу. А на акации около дома гнездятся дикие голуби и гудят, гудят. И бабочки-адмиралы летают над цветами. Ну, разве можно туда привозить чужих?

Да и не понимают они ничего — мой Виктор был там однажды и, конечно же, взял с собой мать, которая обошла весь участок с инспекцией, раскритиковала бездарное, по ее мнению, использование земли, и они вместе стали планировать грядки с помидорами на месте кустов и клумб, пока мы с Петькой не прекратили это безобразие, причем в довольно резких выражениях. А Светка хоть и не была там, но я знаю, она сразу захочет превратить наш старый домик в нечто «модное», но мы этого позволить не можем — в домике все еще живет наше детство. Там до сих пор такой же запах, как был при бабушке Маше. И потому Виктор думает, что дача Петькина, а Светка — что моя. Поскольку Светка терпеть меня не может, а Виктор в первый свой приезд на дачу едва не получил от Петьки по морде, то в этот дом они не стремятся, и это есть великое благо. Я иногда думаю, что Виктор и Светка отлично подходят друг другу и надо бы их познакомить.

Но дача есть дача, она чисто для души, а для обычной жизни у меня есть квартира, которую я превратила в нечто новое и красивое. Просто потому, что жить среди вещей, напоминающих о бабушке, я не могла. Хотя круглый стол и бабушкино трюмо я оставила.

И теперь ради этой квартиры мой муж решил меня убить. Потому что я подала на развод, а по закону он не может отобрать у меня половину.

Я тогда поднялась на крышу соседнего дома – точно так же, как сегодня. Был такой же день – но тогда сердце у меня колотилось, как бешеное. И я не знала, куда бежать, и собралась позвонить Петьке. А потом вдруг подумала – зачем? На этот раз, возможно, я смогу избежать смерти. И ради чего я стану жить? Работы у меня отныне нет, и, судя по тому, в чем меня обвинили, мне придется думать о том, чтобы менять специальность, город и планету. Муж... ну, даже если я сейчас пойду в полицию и они что-то предпримут, и я останусь в живых, где гарантия, что следующий супруг не окажется точно таким же? А там... Серая, как дождь, завеса этого мира отдернется, и откроется серебристое окно. Гендальфу врать незачем.

И я пошла к нотариусу составлять завещание, внутренне ликуя, – просто представила вытянувшиеся рожи супруга и его маменьки, когда они узнают, что им ничего не досталось. Петьку убить у них кишка тонка, да и денег нет на нового киллера. Они и эти-то деньги небось одолжили в надежде заполучить мою квартиру. Им нет смысла Петьку убивать, потому что после него квартиру унаследует моя племянка Тонька. Вот так-то, граждане.

Нотариус, молодой симпатичный мужик, очень удивился, зачем мне понадобилось завещание. Конечно, рассказывать

ему о планах мужа и свекрови, как и о своих собственных, я не стала – зачем? Он выслушал мои пожелания, очень простые и ясные, составил завещание, я пришла к нему на следующий день, подписала, и все. Пришлось потратить на это время, но дело того стоило. Я не стала спрашивать, как он узнает, что меня уже нет, и как найдет Петьку, – но думаю, что есть какая-то система, не одна же я пишу завещание.

Я отчего-то совершенно не думала, что будет, когда придет время и убийца примется за дело. Как он это осуществит? Застрелит меня или сойдет машиной? Лучше, если просто сбросит с крыши. Я полечу вниз, в последний раз ища взглядом реку, и расплескаюсь на асфальте, и прорасту травой – потом. Я навсегда останусь в городе около дома, где прошло мое детство. Прямо напротив этой новой четырнадцатизажаки – старый бабушкин дом: три этажа, высокие потолки, огромные комнаты, камин в спальне, лепнина на потолке, и соседей немного. Ходили слухи, что дом снесут, но потом дело заглохло, и я этому радовалась. Так он и остался, мой дом – как зеленый островок среди бетонно-стеклянных высоток.

Если я сейчас нахожусь здесь, значит, меня просто сбросят вниз. Я сама сюда пришла – пусть хоть это станет моим выбором, раз нет другого. Наверное, будет больно – какой-то миг, но для этого есть таблетки, я напилась их достаточно, чтобы не переживать о боли. Я думала, что не боюсь, но все-таки немножко боюсь. И только мысль о том, какую

свинью я приготовила своему мужу и его мамаше, греет мне душу. Ведь они понятия не имеют, что есть завещание! Боже, все бы отдала, чтобы посмотреть на их лица, когда... А может, и посмотрю. Оттуда.

А сейчас позвоню-ка я Петьке, чтобы услышать его еще раз. У меня, кроме него, никого больше нет.

– Привет.

– Привет, Лина. – Петькин голос на фоне компьютерного писка такой знакомый. – Как дела, сестренка?

– Ничего, дышу.

И это правда. Все, что я могу сейчас о себе сказать правдивого, вот эта фраза. Лгать я не люблю.

– А ты как, Петь?

– Да как обычно.

Как обычно – это работа, а дома – Светка, которая ни готовить, ни прибраться, ни за ребенком последить не способна, зато пасть у нее никогда не закрывается, и то, что из этой пасти несется, отнюдь не великосветские разговоры, чтоб вы понимали.

– Снова поцапались?

– А у нас по-другому не бывает.

– Так брось ее к чертям, Петь!

– А Тонька? Она мне назло ее не отдаст.

Это наш обычный разговор. Все дело в Тоньке, которую Петька любит больше жизни, и которую Светка ему, конечно, не отдаст – не потому, что ей нужна «проклятая спино-

грызка», как она ее называет. Нет, она ее не отдаст, чтобы досадить Петьке. Мы оба это знаем, но мне хочется все-таки изменить статус-кво, и ничего другого, кроме как толкнуть Светку под трамвай, мне в голову не приходит.

– Ладно, сестренка, что-то придумаем. Тут подвижки наметились, потом расскажу, сейчас рано. Ты к бабуле давно ездила?

Бабуля – это мать Петькиного отца, бабушка Валя. Летом она всегда подхватывала эстафету нашего с Петькой воспитания из ослабевших рук бабушки Маши, и мы охотно ехали в Домоткань – там у бабушки Вали старенький домик, она держала тогда вполне ухоженное хозяйство. Сейчас мы ездим к бабуле как можно чаще: хозяйства уже нет, и сил у нее все меньше, но переезжать ни к кому из нас она не хочет – ей не по душе ни Виктор, ни Светка.

– Две недели назад ездила. Ничего, она у нас молодцом, Петь. Козу держит, кошка имеется, и щенка ей кто-то подарил, чтоб не скучно было. Правда, щенок совсем крохотный, но он вырастет. А позавчера я денег ей послала – мало ли, что-нибудь понадобится, какая там пенсия.

– Молодчина. Я тоже вчера послал, а в субботу мы с Тонькой к ней поедem. Я ей платок пуховый купил, и сапоги на зиму повезем.

– Привет передай.

Не знаю, как бабуля переживет мою смерть. И Петька тоже. Зато он сможет бросить Светку и жить в моей квартире,

а это плюс. Всегда есть плюс, главное его найти.

На крышу рядом со мной легла тень – ну, вот и все. Я подняла голову – высокий мужик, очень крепкий на вид, с лицом, словно специально слепленным так, чтобы его невозможно было запомнить. Надо же.

– Ладно, Петь, мне пора. Люблю тебя.

– И я тебя люблю, сестренка. Увидимся.

Конечно, увидимся. Я верю, что люди, любящие друг друга, увидятся на той стороне – совсем скоро я увижу бабушку Машу. И это очевидный плюс, один из... Только убийца мне попался какой-то очень неприметный. На меня напал смех – ну, до чего же смешно! Я думала, что убийца будет какой-то такой... ну, как Бандерас в триллерах или хотя бы как Сталлоне – лет двадцать назад. А этот... ну, никакой. Хотя фигура неплохая.

– Что смешного?

Как-то неудобно ему сказать, что я ждала более красочного персонажа. Я сейчас умру, и мне будет все равно, а его это, наверно, ранит. Он будет об этом думать, и у него разовьется комплекс... боже, как смешно!

– Извините. Нет, ничего. Вы меня с крыши сбросите?

– Такой был план.

– Ладно, бросайте.

Он смотрит на меня как на сумасшедшую.

– Ну, чего вы? Или мне надо встать, что ли... ну, правильно, как же вы меня сбросите, если я сижу, так и надорваться

можно. Мне подойти к краю?

– Было бы хорошо.

– Насчет хорошо – я сомневаюсь, но удобнее – безусловно.

Я пытаюсь встать, но я съела целую пачку таблеток, и вставать мне не слишком уютно. Он подает мне руку, она у него неожиданно теплая и сухая. Вот что я ненавижу больше, чем подлых тварей вроде моей свекрови, так это мокрые руки у граждан, хоть мужчин, хоть женщин, неважно. Мокрые руки, похожие на кусок сырого мяса, вытащенного из холодильника – фи-и.

– Нализалась, что ли?

– Нет, это таблетки, чтоб не страшно было, вдруг будет больно, то чтоб не сильно, понимаете?

– Чего ж не понять.

Мы стоим у края крыши, вдали синееет река. Там летом кувшинки и песок горячий, полный стручков акации и фантиков. А на отмели мальков видимо-невидимо. И стрекозы – синие, зеленые, желтые. И птицы поют в лесополосе. Сейчас, конечно, никаких стрекоз, но рыбки видны. Они снуют на мелководье, люди бросают им крошки хлеба, и у рыбок откормленные спинки. Я люблю реку. Интересно, стану я русалкой, когда умру? Наверное, нет – ведь я не утону, а убьюсь, упав с высоты.

– Послушайте, если вам все равно, как меня убивать, может, поедem на реку, и вы меня утопите? Вам все равно, а мне так интересней будет.

– Это почему еще?

– Есть теория, согласно которой утопленницы становятся русалками. А так – ну, вот кем я стану, привидением с перекрестка? Скучно, пыльно... Русалкой всяко лучше.

– Вот дура. – Он развернул меня к себе лицом. – Я подзревал, что ты знаешь.

– Я... да, конечно, знаю. Вы сейчас меня сбросите вниз? Прямо сейчас?

– Идем.

– Значит, все-таки на реку. Отлично.

Он что-то злобно пробормотал и подтолкнул меня от края крыши в сторону лестницы. Я сделала несколько шагов, но в голове шумело, и мир кружился, кружился, и я, чтоб не упасть, держалась за убийцу – более странной ситуации придумать невозможно. Он несет меня, и я слышу, как бьется его сердце. Надо же. Со стороны мы, наверное, выглядим парочкой влюбленных. Но мир вязкий и горький, и мне как-то враз стало скучно умирать.

Меня усаживают в машину и куда-то везут, а меня вдруг начинает тошнить, да как!

– Остановите...

– Вот черт!

Я понимаю, что это неприятно – только что же я могу поделать, если проклятые таблетки никак не хотят оставаться в моем организме.

– На, выпей воды.

Он подает мне пластиковую бутылку с водой, и я пью, вода такая, как я люблю, – не слишком холодная.

– Легче?

– Ага, спасибо.

Он помогает мне сесть в салон и трогается с места, я закрываю глаза. Меня все еще немного тошнит, но скоро все закончится, насколько я могу судить. Утонуть в холодной реке, наверное, удовольствие так себе. Какая все-таки морока – умирать!

– Да, морока.

А, так я это вслух произнесла? Вот дьявол...

– Вы понимаете, до чего странно все совпало. – Надо же мне объяснить ему ситуацию, а то сочтет меня чокнутой, если уже не счел. – Я случайно узнала. Меня в тот день с работы уволили, понимаете? Моя лучшая подруга меня подставила... вернее, подставили меня раньше, я не знаю кто, а она просто донесла, и шеф меня уволил, да как! С треском! С ужасным скандалом! Я пришла домой раньше обычного, а они там обсуждают, как меня хоронить будут, и что на гроб придется потратиться, не то люди не поймут. Ну, муж и све-кровь, понимаете? Они же не ждали, что я приду рано, и сидели, спокойно все планировали, и вот. Я... не очень была рада, правда.

– Это понятно. И что ты сделала?

– Я решила, что будет ужасно смешно, если в итоге они ничего от моей смерти не выгадают. Они же из-за жилья

все это... ну, бабушка мне семь лет назад квартиру оставила в наследство. А потом я замуж вышла. Вот они и решили, что квартира им нужна, а я – нет.

– И что же ты все-таки сделала?

– Я завещание написала в пользу своего брата. – Я засмелась. – Ой, как жаль, что я их лиц не увижу! Они потратятся на ваши услуги, потом на мои похороны, а в итоге Петьке все достанется и его дочке Тоньке. Это племяншка моя, такая забавная девочка! Ну, вот.

– Креативно. – Убийца фыркнул. – Все, приехали, вылезай.

Это конец пути. Ну, что же, значит, вот так. Не то чтобы я этому рада, но это всяко лучше, чем кончать с собой самостоятельно. А ведь после того, что произошло на работе, другого выхода у меня нет.

– Знаете, я вас очень прошу – с лицом поаккуратнее. Брат на похороны приедет, племянница... я хочу прилично выглядеть. Ну, если можно.

– Хватит пороть чушь. – Убийца вынимает меня из салона и куда-то несет. – Идиотская ситуация. Откуда ты взялась на мою голову, дура такая.

Он протаскил меня через калитку и посадил на крыльцо какого-то дома. Все правильно: убивать лучше там, где никто не увидит.

– Если вы будете топить меня в ванне, имейте в виду: в легких окажется хлорированная вода, и полиция поймет,

что меня утопили не в реке.

– Ты заткнешься сегодня или нет?!

– Да я-то что... просто может статься, вы этого не знаете, и будет неприятно. Моя свекровь бывает очень мерзкой – начнет вам звонить, деньги обратно требовать... Когда-то она пальто купила в магазине, дома оказалось, что оно ей мало, и она продавцам так мозг вынесла, что они были готовы ей бесплатно дать другое пальто, лишь бы она от них отстала.

– Поднимайся!

Он больно дергает меня за руку – мог бы и повежливее, я все-таки с ним была более чем любезна.

– Извините, но меня снова тошнит...

– Блуй на улице. – Он открывает дверь на веранду. – Еще воды? Умыться в бочке можешь.

Бочка стоит около дома, и вода в ней, конечно, дождевая. Вот если дождевую воду найдут у меня в легких, то-то эксперты удивятся!

– Иди сюда. Осторожно на ступеньках, не свались.

Я вхожу на веранду – там пахнет яблоками и еще чем-то, чем может пахнуть только в простом доме. Около двери стоит плетеное кресло, старый столик, немного колченогий, выкрашен в желтый цвет и покрыт пылью. Ящик с яблоками обнаружился в углу.

– Хочешь яблок? Бери, ешь.

Я очень хочу кисленькую зеленую симиренку и знаю, что эти яблоки особенно вкусны, когда большие. Выбрав

огромное яблоко, я вгрызлась в него и блаженно замычала. Если в рай и впрямь была яблоня, то вот такая. На месте Евы я бы ни за что не удержалась, стащила бы яблоко и без всякого дополнительного наущения со стороны змея. В рай меня однозначно нельзя впускать, иначе хана всем яблоням, а это не дело – рай все-таки солидная организация, а не что попало.

У меня в голове прояснилось достаточно, чтобы понять, что убивать меня прямо сейчас никто не собирается. А если не сейчас, то когда? Все-таки мне хотелось определенности в этом вопросе, потому что выглядит все странно.

– Иди сюда, чего ты там мерзнешь.

– Я же тут яблоко ем...

– Возьми себе еще и иди сюда, дверь на веранду открыта, дом остывает.

Я заглянула в ящик и достала еще пару гладких зеленых яблок. Наверное, перед смертью все имеет особый вкус, потому что такой вкуснятины мне еще не приходилось есть.

Я помню, что история человечества как раз и началась со съеденного яблока.

Есть такая теория. Правда, я в нее не верю.

В доме пахнет печкой и чем-то еще, чем пахнет только в старых домах. Посреди гостиной стоит круглый столик под бархатной старой скатертью в жутких аляповатых розах, на стене висит бархатный же коврик, изображающий оленей, на полу – домотканые дорожки. Допотопный диван с круглыми валиками и спинкой в зеркалах и полочках, покрыт какой-то вышитой штукой, а на спинке прикреплена узкая вышитая салфетка-дорожка. В углу этажерка с какими-то книгами, между окон – телевизор, накрытый бархатной накидкой. Словно не городской дом, а деревенский.

– Ты готовить что-нибудь умеешь?

Он вышел из кухни с таким видом, будто ничего такого не случилось, мы просто старые приятели и решили тут с ним навеки поселиться, и я его собственность. Но, с другой стороны, он может быть просто голодным, а потому решил использовать меня по назначению – до того, как убьет. Это рационально. Я бы на его месте тоже, наверное, так сделала. Чего зря добру пропадать... если предположить, что я – добро. Ну, гипотетически.

– Конечно. Какие есть продукты и чего бы вам хотелось?

– Иди сюда.

В кухне все совсем не так, как в гостиной и на веранде. Она сияет современным ремонтом, и даже печь, которая то-

пится дровами, вписывается в эту идиллию. А еще здесь стоят вполне современная электрическая плита и старинный ду-бовый буфет, полный таких же старинных тарелок, и есть набор отличных кастрюль, а в углу матово блестит дорогой холодильник.

– Вот, смотри.

В холодильнике я нашла овощи и кусок нежирного мяса.

– Говядина?

– Да, говядина. И вот еще... куриное филе.

– Мясорубка есть?

– Вот, электрическая.

– Отлично. Могу приготовить борщ, а на второе – жаркое или котлеты. Займет около часа. Если суп с фрикадельками – минут тридцать, только мясо порежьте и на мясорубке прокрутите.

– Давай суп, жрать хочу.

– Принимайтесь за фарш. – Я догрызла яблоко и поискала глазами мусорное ведро. – Ага, вот... Порежьте кусочками мясо, две луковицы – и в мясорубку. Но не все, примерно четверть говядины и половинку филе, этого достаточно для фрикаделек. Фарш – мужская работа.

Он кивнул и достал из холодильника мясо, а я занялась овощами. Суп с фрикадельками – это самая простая на свете еда. Варите овощи, и когда они почти готовы, бросаете в кипящий овощной бульон мясные шарики, сформованные из фарша, предварительно посоленного и сдобренного спе-

циями. Эти шарики варятся очень быстро, как всплыли – все, готовы, и тут важно не упустить момент, чтобы бросить заправку из сала и чеснока, превращенную в однородную массу, и кинзу. Их варить долго нельзя: бросили, досчитали до десяти и выключили. Хотя может быть любая другая зелень, на кинзе я не настаиваю. Овощи тоже могут быть любые, но главное – этот суп готовится быстро, едят его все без исключения, это мой фирменный суп, я сама его придумала.

– Вкусно.

– На здоровье.

Я хочу точно знать, что он собирается делать. Они ведь ждут результата – в смысле, муж и свекровь, я могу представить, как они сейчас нетерпеливо ожидают звонка, который возвестит им о моей кончине. Свекрови, должно быть, очень жаль денег, она их пересчитывает постоянно и думает о том, что не отдать их нельзя, а отдавать тоже ужасно. Супруг, скорее всего, дергается и хочет позвонить матери, но ему это категорически запрещено. Они уже прикидывают, как расположатся в моей квартире и что продадут из вещей, чтобы покрыть убытки от убийства и похорон. Ведь не похоронить меня они не могут – я официально все еще жена Виктора. Им очень хочется забить на похороны, но это невозможно, Виктор думает, что получит наследство, а о том, что мы были в шаге от развода, ни родне, ни соседям они, конечно же, не собираются говорить. Фу, до чего противно, просто слов

нет. Но это могло бы сработать, шанс был.

– Как тебя угораздило выйти за такого червяка?

– Он казался мне приемлемым вариантом.

– Вариантом, надо же!

Он презрительно поморщился. Нечего строить рожи, не могу же я идти против социальных установок, а они таковы: женщина обязательно должна быть замужем, даже если муж ничтожество. Это домострой вкупе с дремучим феодализмом, но что я могу с этим поделывать.

– Не могла же я ждать принца. Когда женщина до тридцати лет ожидает принца, она сама напрашивается на неприятности.

– Ты в неприятности все равно попала, а тридцати тебе еще нет.

– Это да. Обидно, если вдуматься. Но я подала на развод. Суд должен быть через неделю, адвокат пошел бы туда, и... Они, видимо, хотели до суда это организовать.

– То-то спешка такая была. – Он вздохнул и налил себе еще супа. – Давно надо было с ним разводиться, как только ты поняла, что он дерьмо.

Да я не то чтобы поняла... Нет, я понимала, что происходит нечто такое, что мне совершенно не нравится: все эти заморочки Виктора насчет «ты теперь замужняя женщина», от чего меня просто наизнанку выворачивало, и эти их со свекровью постоянные посиделки, ее вечное присутствие в моей квартире, словно так и надо, и его разговоры о ка-

ких-то людях, с которыми я не хотела знакомиться, чьи дела меня вообще не интересовали, и претензии насчет того, что мы не зовем в гости его родню...

Я понимала, что это неправильно, и уходила на работу, при этом думая: нет, это со мной что-то не так, ведь он ничего сверхъестественного от меня не хочет, просто жить, как все живут... только я не могла. При одной мысли, что его родственники придут к нам в дом в ожидании картошки, оливье и сельди под шубой, и в квартире будет стоять запах спиртного, всех этих мерзких майонезных салатов и табачного дыма, и чужие люди усядутся на мой унитаз, а кто-то, возможно, спяну промахнется – меня мутить начинало.

У меня вроде бы и причин разводиться не было: Виктор не пил, не курил, не таскался по бабам, приносил домой свои двенадцать тысяч, считая это достаточным вкладом в семейный бюджет, и планировал покупку домика в пригороде, чтобы развести там огород. Эти их со свекровью огородные фантазии были мне непонятны, потому что я в толк взять не могла, зачем ездить на дачу, жечь бензин и все выходные вкалывать на грядках, чтобы вырастить то, что на рынке стоит копейки. И доводы Виктора и его матери, что это будет, видите ли, свое, выращенное собственными руками, что это полезнее, не казались мне убедительными. Я не знаю, почему полезнее есть какие-то определенные помидоры. Что за тяга сакрализировать любую фигню, я не понимаю, господа.

Вот так оно потихоньку копилось, копилось... И не руга-

лись мы, и не спорили особенно. Собственно, спорить было не о чем — ну, о чем можно спорить с человеком, который мыслит какими-то странными категориями и утверждает о неких социальных ритуалах, которые я считаю не обязательными, а он ужасается при одной мысли, что кто-то может думать как-то иначе. Вообще-то многие вопросы нужно выяснять до брака, иначе потом можно поймать кучу негативных впечатлений. Во время букетно-конфетного периода эти вопросы вообще не возникают, они даже в голову не приходят. Зато потом всплывают, как вражеская подводная лодка в глубоком тылу, и иногда разносят хрупкое строение брака напроочь, и все бы ничего, но некоторые граждане к моменту обрушения кровли успевают обзавестись потомством. Слава всем богам, в этом вопросе мы с Виктором придерживались одинаковых взглядов, хоть и по разным причинам. Он говорил, что нужно сначала встать на ноги, обзавестись более просторным жильем, потому что детям нужна комната, и маме тоже. То есть присутствие свекрови вообще не обсуждалось — она априори как бы уже с нами жила. Но встать на ноги в материальном смысле он не торопился, да и зачем — я же хорошо зарабатываю, а мы одна семья. И мысль о том, что если я сяду дома с ребенком, то мой заработок исчезнет и ему самому придется шевелиться, видимо, рушила его планы насчет продолжения рода.

Я не хотела детей. И не хотела их конкретно от Виктора. Тогда я просто думала, что мне надо привыкнуть к мысли,

что мы семья, но потом поняла, что просто не хочу никаких детей, к которым будет иметь отношение Виктор, даже косвенно. Очень быстро он превратился в скучного серого мужика в растянутых трениках и тапках. Мог не сходить в душ или жевать что-то, пялясь в телевизор... о-о-о, этот их вечный телевизор! Над чем они там смеялись, что там вообще можно смотреть, кроме тупых передач и бездарного киноговна с жуткими актерами, как под копирку и косорыленькими? Тупой – еще тупее ток-шоу, тупой-еще тупее-два – сериалы о буднях и праздниках ментов, врачей, черта лысого... Они это смотрели и потом *обсуждали*. Всерьез обсуждали, боялись пропустить серию, *записывали!*

А их походы в церковь. Каждое воскресенье, да. Платок у свекрови на голове, Виктор чисто выбритый. И осуждающие взгляды в мою сторону: не молится. Нет, они ничего не говорили, этого и не требовалось.

Все это вроде бы не причина для развода. Но я больше не могла это терпеть. Ведь дошло до того, что я начала мужа с его мамашей троллить – рассказывать за ужином о тенденциях цветовых решений при воздействии на подсознание. Или цитировала Берджеса. И не то чтобы они были совсем темные, это был просто наш ответ Чемберлену против их бесконечного цитирования одного и того же куцега набора цитат из «Собачьего сердца», причем не из книги, а из фильма!

И это тоже не было причиной для развода. Но, оказывает-

ся, стало причиной убийства.

– Дуры вы, бабы...

Убийца достал из шкафа коробку с чайными пакетиками.

– Чай будешь? Отчего сама-то суп не ешь?

– Яблок хочется. Что-то мне плохо от этих таблеток.

– Много выпила?

– Десять штук. Или двенадцать, не помню точно.

Он присвистнул и осуждающе нахмурился – десять штук, конечно, много. Я и сама понимаю, что много. Но я же, когда пила эти таблетки, не собиралась дальше жить, а в краткосрочной перспективе это было неплохое решение. Наверное, он и сам это понял.

– Они в тебе все равно не удержались.

– Кто же знал... я думала, вы меня прямо там и убьете.

– Такой план был. Ладно, предлагаю тебе сейчас лечь спать, ты не очень хорошо выглядишь.

– А... как же...

– Когда я стану тебя убивать? – Он посмотрел на меня с откровенной иронией. – Никогда, успокойся. Ложись спать, ты бледная, как смерть.

– Но... как же?

– Пока не знаю. – Он покачал головой. – Я о таком только слышал. Ну, что ребята не выполняют заказ по каким-то личным причинам. Не думал, что сам в это вляпаюсь, так что тебе лучше пойти в спальню и не мельтешить, пока я не придумал, как быть. Спасибо за суп, очень вкусный. А главное –

простой, я и сам смогу такой приготовить.

– У меня все рецепты простые, я ленюсь готовить, понимаете?

– Понимаю. Спальня направо, ванная рядом. В шкафу можешь взять халат, они все стиранные. Свою одежду запихни в машинку. Чистые полотенца тоже найдешь в шкафу. Все, ступай, ты мне мешаешь думать.

– Я только яблоки возьму...

– Бери и не мешай мне.

За окном сгущаются сумерки, я чувствую себя совершенно разбитой. Мне отчего-то холодно и очень хочется в душ. Я открываю дверь в ванную – чистая просторная комната с витражным окном, все по последней моде, и ванна есть, и душевая кабинка. Хочется ощутить воду и надеть что-нибудь чистое... но мне очень плохо, и болит в груди так, что терпения никакого нет, и я понимаю, что со всеми этими хлопотами с моим убийством я совсем измотала себя. Стены плывут перед глазами, мир кружится, пришлось сесть, чтобы не упасть. Ну, теперь все, похоже, как надо... только не совсем, потому что мне по-прежнему дурно, и я не понимаю, что со мной происходит.

– Эй...

Нужно что-то делать, пока я могу внятно говорить. Но стены кружатся вокруг меня еще быстрее, темное кольцо сжимается, сжимается, пока не становится слишком тесным, чтобы я могла дышать.

Надо же. Похоже, моей свекрови все-таки придется раскошелиться.

3

Я лежу в кровати, кто-то укрыл меня теплым одеялом, я понятия не имею, где нахожусь. Запах яблок вернул меня к жизни, и я разом вспомнила и то, что меня должны были убить, и киллера, которого я даже в лицо не запомнила, и суп. Глупость какая-то получается.

Я открыла глаза – комната незнакомая, убийца сидит рядом со мной на стуле с высокой спинкой. У него усталый вид – наверное, намаялся он со мной. Не привык иметь дело с живыми.

– Ты как?

– Не знаю.

В моем теле поселилась ужасная слабость. Словно из меня в одночасье выкачали всю кровь, и от этого мир вокруг стал скучный и серый. Или тут освещение такое?

– Таблетки подняли тебе давление. – Убийца вздыхает. – Много выпила и понервничала, а сколько тебе, худышке, надо. Я ввел внутривенно магнезию, сейчас станет лучше.

– Вы и это умеете?

– Я много чего умею.

Я в этом и не сомневаюсь. Человек столь странной профессии должен иметь познания в медицине, учитывая, что ему далеко не всегда удобно обращаться к врачам.

– Я не спросила, как вас зовут.

– Мирон меня зовут.

Мирон... Странное имя, разве кто-то так называет детей? Хотя ему лет чуть за сорок, я думаю, и в его времена, наверное, называли. А может, его зовут вовсе не так, это псевдоним. С чего ему называть мне свое настоящее имя. Но раз уж он привел меня в свой дом... а может, дом не его? Может, он просто снимает жилье, чтобы перекантоваться? Не похоже, я же была на кухне, там все оборудовано очень добротно. Правда, сейчас и для сдачи в аренду точно так же приводят в порядок дома, это ничего не значит... вот только ящик яблок на веранде и бочка с дождевой водой кажутся мне подозрительно непричастными к аренде.

– А дом...

– Это мой дом. Просто я здесь не часто живу. Так, бываю иногда, его еще в порядок надо приводить, видела гостиную?

– Ага. Очень милая, как в деревенском доме.

– Вот я и думаю, что мне с этим барахлом делать. – Мирон хмыкнул. – Выбросить жаль, очень характерная комната, будто на пятьдесят лет назад нырнул, а с другой стороны, оставить все как есть тоже нельзя, слишком большой контраст будет с остальным. Но мне спешить некуда.

Убийца замолчал и хмуро посмотрел на меня. Понятно – он уже сто раз пожалел, что не сбросил меня с крыши, когда была такая возможность. Сейчас бы он был при деньгах, и не пришлось бы ему колоть мне препараты и отвечать на вопросы.

– Вот таблетка, положи под язык. Тошнит?

– Нет, уже меньше.

Я покорно кладу таблетку под язык, она совсем крохотная, даже не понять, горькая или нет... Отчего-то все лекарства делают горькими. Может, для того, чтобы люди их не ели вместо конфет.

Ну что ж, могло быть и хуже. Я уж думала, что у меня инфаркт, потому что болело в груди и дышать было невозможно.

– Как сейчас?

– По-моему, лучше. – Мне очень неловко с ним. – Можно мне яблочко?

– Вставай и поешь супа. Яблоки потом. Тебе надо поесть, ты же сегодня ничего не ела.

Откуда он знает? Ах да, вот я бестолочь! Он же следил за мной, а я с самого утра шаталась по городу, чувствуя себя живой, как никогда. И все думала – надо же, ну как назло, мне сегодня умирать, а я хочу купить пару книг и мороженого...

– Дойдешь сама до кухни?

– Может, и дойду.

Я осознаю, что на мне чужой халат и белья нет, это уже совсем никуда не годится. Как могло выйти, что все эти неприятности навалились на меня кучей, в один момент? А что, по очереди было некошерно? Хотя, конечно, мне без разницы.

– Давай руку, помогу подняться. Не сможешь дойти – принесу тебе чашку с супом прямо сюда. – Он придерживает меня под локоть. – Ничего, держись. Все бывает в жизни.

Ага, все. И убийство мое заказывают – то-то офигенный опыт!

– Может, сюда принесу тебе еду? Шатаешься ты.

Нет уж, чтобы есть в постели – мне должен совсем конец наступить, а до этого пока далече, что не может не радовать. Комната уже не кружится, и тошнота отступила, но слабость дает о себе знать, как после длительной болезни, хотя – ну сколько я тут пролежала – полчаса, не больше. До кухни я дойду, потому что есть в постели – жалкое зрелище, а я и без того вряд ли выгляжу нормально.

– Садись, буду тебя кормить. Не помирать же тебе с голоду.

Это очень странно слышать от человека, который еще несколько часов назад собирался сбросить меня с крыши многоэтажки. Я мысленно содрогаюсь, представив себя посреди тротуара в самом неприглядном виде, толпятся зеваки, кто-то из соседей меня бы опознал, полиция бы что-то фотографировала, записывала, потом погрузили бы меня в труповозку. Кто-то вызвал бы мужа и свекровь, и они стали бы лить фальшивые слезы, свекровь даже, возможно, обморок бы изобразила, хотя у этой лошади отродясь ничего никогда не болело, кроме кошелька.

А потом они позвонили бы Петьке. Ему пришлось бы со-

общить бабуле. И эти двое никогда не смогли бы ни пережить, ни смириться с тем, что меня нет. А свекровь и муж пришли бы в мою квартиру и прыгали бы от счастья. Представить прыгающую свекровь – фууу... но я это могу. Так, например, прыгала бы жирная жаба. Тряслись бы телеса, у соседей сыпалась бы штукатурка с потолка... нет, полет фантазии надо остановить, иначе суп мне не доесть.

Муж первым делом выставил бы на продажу бабушкино трюмо, он давно уговаривал меня его продать, даже показал антиквару, и тот был готов заплатить круглую сумму, но я уперлась намертво. Виктор тогда обиделся – типа, зачем тебе это старое зеркало, купим взамен новое! А так деньги в семью. Он не понимал, что это бабушкино трюмо. Он мыслил только так: деньги есть – хорошо, нет их – плохо. И если бы меня не стало, трюмо ушло бы к антиквару.

А свекровь вытащила бы все мои украшения... В общем, сценарий так себе. Но есть нечто, на что я посмотрела бы с огромным удовольствием – чтение завещания. Нотариус объявил бы о нем, и они бы собрались, и вот момент, когда они поняли бы, что все зря и квартира от них уплыла, а им нужно выплатить Петьке половину стоимости машины и вернуть трюмо – я бы ни за что не пропустила, я бы в виде призрака задержалась здесь, лишь бы на это посмотреть!

Суп уже остыл, Мирон подогревает его. Он гремит посудой, наливая мне суп, а я думаю о том, что ни разу в жизни не ночевала в чужом доме, у меня на этот счет пунктик.

И сейчас мне очень хочется домой.

И вдруг приходит осознание – у меня нет больше дома.

Та квартира, в которой я жила, – она давно уже не моя, там живет мой муж, и туда почти каждый день катается из Осипенковского микрорайона моя свекровь – типа в гости. Они с Виктором подолгу сидят на кухне, о чем-то вполголоса беседуют, пьют чай, смеются – я давно уже там лишняя. Когда это началось? Ведь когда мы с Виктором поженились, все было... вполне традиционно. Такая эволюция за пять лет! С чего бы?

Но это дело сто двадцатое, его моральные терзания, если они и есть, меня не интересуют. Меня беспокоит то, что уже ночь, а я невесть где, и идти мне, по сути, некуда. Моя квартира, которую я так люблю, в старом доме, где во дворе качели, квартира, которая помнит бабушку Машу и меня, совсем мелкую пигалицу, – вдруг стала чужой, и идти мне туда невозможно. А еще у меня нет работы, люди, которые были моими коллегами, отвернулись от меня из-за навета мелкой дряни, несколько лет подряд притворявшейся моей подругой.

Мы с ней болтали ни о чем, ходили в перерыве в кафе, а она все это время спала и видела, как занять мое место. И нет никого, с кем я могла бы этим поделиться. Петьке разве что рассказать, но у него столько собственных проблем, что вешать на него еще и мои... нет, нельзя.

Слезы – вот они, хотя плакать неправильно и стыдно,

но боже мой, до чего мне сейчас одиноко, страшно и горько. А еще этот чужой дом, и чужая одежда, и... и вообще все! Как могло так выйти, что за несколько дней моя жизнь превратилась в дикий трэш?

– Ну... ты... это... не реви.

Легко сказать – не реви, ведь ты не пережил собственное убийство, а я-то пережила, пусть и несостоявшееся, неважно, я неделю его ждала, решала какие-то организационные вопросы, а сама думала: ну, вот еще день и еще. И прощалась – с рекой, с городом, с могилой бабушки Маши, на дачу съездила даже, чтобы еще раз вдохнуть запах детства, живущий в нашем старом доме. Только к бабуле не рискнула поехать, она бы сразу поняла, что со мной неладно.

Легко не плакать, когда ты большой сильный мужик, убивающий всех подряд и плюющий на все условности, а я... Стоп. Ведь он меня еще не убил и вроде не собирается. Как же он теперь? Должно же быть нечто, что не позволяет ему поступать таким образом, и он, по идее, сейчас в беде. Из-за меня.

– У вас будут неприятности из-за меня?

Он смотрит ничего не выражающими глазами, потом вздыхает и достает из буфета еще одну тарелку.

– Давай поедим. Ты к супу почти не притронулась, я настаиваю, чтобы ты поела. Так что поедем с тобой за компанию.

Он вылил оставшийся суп в свою тарелку и тяжело опустился на табурет.

– Хлеб будешь?

– Нет, спасибо.

Я не люблю портить вкус супа ничем, даже хлебом. Мы молча хлебаем суп, и по мере того, как пустеют тарелки, сгущается неловкость.

– Я думаю, это случилось из-за принятых тобой таблеток.

Он переживает из-за моего здоровья! С ума сойти.

– Наверное. Я никогда не пила таких таблеток, тем более много. Вы понимаете, я думала, что...

– Да понял уже. Ты думала, что я тебя убью.

– Ну, да. Я же не планировала жить дальше, а потому вред от таблеток был для меня весьма отдаленной перспективой.

– Ладно, это я понял. Как ты сейчас?

– Не знаю... – Я подняла глаза и встретила с ним взглядом. Обычные глаза, серые с зеленцой. – Странно как-то. Знаете, я никогда не ночевала в чужом доме. Либо у себя в квартире, либо на даче. Очень неуютное ощущение. Так вы мне не ответили. У вас из-за меня будут неприятности?

– Неважно. – Он смотрит на меня, и мне неуютно под его взглядом. – Йогурт будешь?

– Йогурт? Нет...

– А я выпью. – Он достал из холодильника бутылку черничного йогурта. – Я уже один раз не выполнил заказ. Там клиент оказался сукой, хотел нас с напарником в расход пустить. Хорошо, что цель оказалась умная и открыла нам глаза. Если б не она, не встретить я ее, была б ты сейчас, по-

друга, мертвой уже несколько часов.

– Но вы меня не убили. Могу я спросить, что вас остановило?

– Ну, спросить-то ты можешь. – Он ухмыльнулся. – Есть соковыжималка, хочешь сока?

– Хочу.

Ни за что бы я не позволила себе такой наглости раньше. Но то было раньше, а сейчас что-то изменилось. Этот незнакомый человек достал из шкафа соковыжималку, порезал яблоки – и вот он, сок. Свежий, пахнущий так, что не пить его невозможно.

– Это железо. Тебе нужно железо, я какие-то витамины нашел, но лучше яблок средства нет. Пей и расскажи мне, что у тебя стряслось.

– В смысле?

– Ты меня совсем за дурака держишь? – Он разобрал соковыжималку и загрузил ее части в посудомоечную машину. – Ты не из тех, кто в угоду кому-то вот так запросто жертвует своей жизнью. И если ты, узнав о готовящемся убийстве, вместо того, чтобы бежать в полицию, бить в колокола, звонить брату и друзьям, по-тихому написала завещание, наелась таблеток и даже поднялась на крышу высотки, это значит, что стряслось у тебя в жизни нечто скверное, настолько скверное, что твое убийство оказалось очень кстати. Я прав или не прав?

– Вы, безусловно, в чем-то правы. Но, видите ли...

– Прекрати это делать.

Теперь наступила моя очередь тарашиться с ошалелым видом.

– Делать – что?!

– Ну, вот это – «видите ли», «вы правы» и прочую фигню. Меня зовут Мирон, и я видел тебя голой. Это если не учитывать, что я фактически тебя убил. Так что кончай марлезонский балет передо мной вытанцовывать.

– Я... просто подумала, что излишняя фамильярность будет воспринята вами как желание втереться в доверие или нечто подобное, но тоже негативное.

– Бестолочь. Ты и должна сейчас изо всех сил втираться ко мне в доверие, а ты словно нарочно поступаешь прямо противоположно. – Он отхлебнул из бутылки и крякнул. – Йогурт – пища богов. Я жить без него не могу, особенно если черничный. Так расскажи, что у тебя такого страшного стряслось, раз уж мы здесь.

– Можно завтра? Я устала.

Не хочу я ему рассказывать о безобразной сцене, которую закатил мне шеф на радость всему офису. Мне стыдно об этом говорить, потому что это было унижительно и ужасно, а ужаснее всего то, что я совершенно никак не могла доказать им всем, что я не делала того, в чем меня обвинили. Потому что все выглядело так, словно делала.

– Идем, уложу тебя в кровать. Сейчас только посудомойку включу, а стиралка скоро достирает, я час назад шмотки

загрузил. Ляжешь в постель, тебе нужно отдыхать. Будешь лежать под одеялом и рассказывать.

То есть оставлять меня в покое он не собирается. Это минус. Но убивать тоже вроде бы не будет – это плюс. Плюс на минус дает нам минус. И этот итоговый минус свидетельствует, что вся моя жизнь разом полетела псу под хвост, и то, что я пока жива, ничего не меняет. Я покорно иду за убийцей в комнату, попутно удивляясь, до чего странный дом. Гостиная и правда как в деревенском доме, кухня, несмотря на печь, топящуюся дровами, оснащена на современный манер и отремонтирована на славу. Ванную я видела – очень впечатлилась, а спальня, в которой я спала... или что я там делала... в общем, спальня странная. Старое трюмо, деревянная кровать, стилизованная под антиквариат, – даже столбики с пологом есть, большой стол, покрытый старой бархатной скатертью, на полу – циновки, явно сплетенные не в ближайшей деревне, и даже не на нашем континенте. Странная спальня, очень женская.

– Ложись.

Он садится рядом – на старый венский стул, хотя в комнате есть удобное кресло. Правда, оно стоит в углу, и двигать его, наверное, тяжело.

– Итак.

Он смотрит на меня своим ничего не выражающим взглядом, и я думаю о том, что он запросто сбросил бы меня с крыши и точно так же сидел бы сейчас, пил йогурт. Но он от-

чего-то меня не сбросил, и я должна уважать его решение, тем более что он наверняка поймет из-за этого неприятностей вагон, если уже не поймел.

– Ну... понимаете... так вот запросто и не расскажешь.

– А ты что, куда-то торопишься?

– Я... нет.

Мне совершенно некуда идти. Домой? Невозможно. Там Виктор и его мать, они так прочно обосновались в моей квартире, что мне там нет места, они даже убить меня хотели, так я им мешала. И вот я как ни в чем не бывало приду домой. В квартиру, которая перестала быть моей... как давно? Когда мы с Виктором оказались по разные стороны баррикад? Когда они вообще выросли, эти баррикады? Я не знаю. Поженились, съездили в Египет, потом он вышел на работу, я тоже вышла. А вечером приходим домой, а там свекровь «в гостях». Она, оказывается, еще днем пришла, чтоб приготовить поесть любимому сыну, рубашечки его переглядить – Виктор дал ей ключ. Меня не спросил, конечно, да и чего спрашивать, мы же теперь одна семья! И мать очень кстати, потому что готовит привычно, и рубашки всегда выглажены, а я – ну, что я, таких сто штук еще будет, а мама одна.

Дело, конечно, не в свекрови – вернее, не только в ней. Дело в том, что не надо было нам жениться. Ну что мы за пара? Никакая мы не пара, и это было понятно изначально, просто все вокруг удивлялись – о-о-о, ты не замужем! И тут появил-

ся Виктор – позитивный персонаж, не пьет, не курит, работает! Это преподносилось как невесть какие заслуги перед обществом, тем временем мои аналогичные свойства воспринимались как нечто само собой разумеющееся. И когда он сделал мне предложение, я сдалась – ведь действительно, не пьет, не курит и работает. Идиотство какое-то, феодализм дремучий.

Может, если бы я была с ним счастлива... но я не могла быть с ним счастлива, и никто не понимал, почему я не прыгаю до неба просто по факту нахождения замужем. Вероятно, действие, посредством которого я обзавелась обручальным кольцом, должно было обеспечить мне автоматическое счастье, но я смотрела на Виктора – и ничего, кроме глухого раздражения, не чувствовала. А свекровь в виде ежедневной гостьи в моем доме, превратившейся в какой-то момент в хозяйку, запросто открывающую все шкафы, роющуюся в моих вещах, сующую нос во все баночки на моем туалетном столике, открывающую все ящички бабушкиного трюмо... вот этого я стерпеть не могла никак! Я один ящик даже заперла на ключ – ничего там не было, но я просто заперла его, а ключ носила с собой. Ключ к такому ящику подобрать невозможно, трюмо очень древнее. Я довольно долго наблюдала молчаливые конвульсии моей свекрови по поводу запертого ящика. А потом Виктор потребовал от меня открыть его. Возможно, они с мамашей думали, что я там спрятала от них нечто либо изобличающее меня в чем-то

дурном, либо необходимое в хозяйстве. И когда я открыла, а ящик оказался совершенно пуст, они долго не могли прийти в себя от потрясения, Виктор все время спрашивал – ну, скажи, зачем ты его заперла? Они оба не понимали. Запертый ящик символизировал для меня нечто, что принадлежало только мне, потому что ничего больше они мне не оставили. И когда Виктор потребовал его открыть, а его мамаша выглядывала из-за его плеча, не желая пропустить ничего из того, что сейчас произойдет, – это был мой триумф.

Эпизод стал последней каплей, именно тогда я окончательно осознала, что не нужно было впускать в свою жизнь и в свой дом абсолютно чужого мне мужика, обремененного мамашей. И я стала думать насчет того, чтобы развестись, и наняла адвоката. А Виктор с матерью решили, что развод им невыгоден, мою квартиру они уже привыкли считать своей и расставаться с ней не планировали.

Но как рассказать это все совершенно чужому человеку? О запертом ящике, о глаженных рубашках, о перерытых полках? И о том, что когда я брала из ящика белье, то надевала его с содроганием, потому что знала: любопытные пальцы моей свекрови его перещупали, оценили и осудили. Она лезла ну просто повсюду. Разве это причина для того, чтобы разводиться или убивать кого-нибудь? Я уверена, что идея с убийством принадлежала ей. Виктор, конечно, слизняк – но ему бы подобное в голову не пришло, он совершенно не креативен, а вот у его мамы была масса раз-

ных идей, и все они вертелись вокруг одной темы – как разбогатеть, не прилагая никаких усилий. И тут я с квартирой в центре. И с коробкой драгоценностей, частью доставшихся мне от бабушки, частью – купленных самостоятельно, но уже примеренных ею и оцененных с пристрастием. Я с антикварным трюмо, которому без малого двести лет, и за которое посулили много денег, стала совершенно лишней на их празднике жизни, и если вдуматься, это логично. Ну, и как тут удержишься?

– Меня, знаете ли, с работы уволили...

– И что? Многих увольняют. Найдешь другую.

– Нет. Вы не понимаете. – Я вздохнула – не хочу об этом говорить, мне эта дикая история колет в груди. – Меня не просто уволили. Случилась кража, и в ней обвинили меня. Ну, не совсем кража, но по сути почти кража.

– Как это?

– Пропали деньги фирмы... вернее, не пропали, их едва не перечислили якобы за услуги. Подпись на договоре моя, и на гарантийном письме тоже, и на акте выполненных работ. Но клянусь: я никогда в жизни не видела ни этого договора, ни остальных документов, а об этой фирме даже не слышала.

– И большая сумма?

– Три миллиона. – Я не знаю, как ему это объяснить. – Вы понимаете, выписан счет, и получается, что услуги оказаны и не оплатить его нельзя. А я, повторяю, никогда не заказывала этих услуг, и уж тем более – за такие деньги. Но до-

кументы всплыли, и меня обвинили в том, что я через подставную фирму хочу украсть у владельца бизнеса эти деньги. Я не могу доказать, что ни при чем, понимаете? Никто не верит, что я не имею ни малейшего отношения к этим документам: подпись на них моя, и печать у меня была. Вот и все. Меня после этого никуда больше не возьмут, вы же знаете – добрая слава под лавкой лежит, а худая впереди бежит. Шеф кричал ужасно... а самое главное, не заплатили еще по этому счету! Когда я документы обнаружила, сразу к Людмиле побежала, это подруга моя... бывшая. Работала в соседнем отделе и, оказывается, давно продвигала идею объединить направления, но шеф как-то не мог для этого созреть. А тут я к ней с этими бумагами сунулась, она сразу к шефу побежала, и он меня слушать не стал. Сказал, что в полицию заявление напишет. И меня будут судить за мошенничество.

– А фирма, которая требует оплату за якобы оказанные услуги?

– Ее представлял какой-то совершенно левый мужик, на встречу вместо него адвокат приходил. Так мне сказали. Я не знаю ни эту фирму, ни мужика, который требует оплаты... я не понимаю, как такое могло случиться, ведь подпись моя стоит!

– А о подделке подписи ты никогда не слышала?

– Я... слышала, безусловно. Но это надо доказать, а как? И неизвестно, кто, а главное, зачем все это проделал.

– Ты же сама говоришь – три миллиона. Может, действительно мошенники, а может, твоя подруга все организовала, раз она метила на твое место.

– Не совсем на мое, просто хотела сделать из двух подразделений одно... как оказалось.

– Ты об этих ее планах раньше не слышала?

– Нет. Я вообще не вникала в подковерные игры, мне это противно, к тому же я всегда очень много работала, старалась как можно лучше все делать, это было здорово – зарабатывать деньги, понимаете? Я никогда копейки чужой не взяла, клянусь! А теперь меня обвиняют, и я не могу доказать, что ни при чем. И самое главное – если всплыли эти документы, могут всплыть и другие, аналогичные. Может, по некоторым уже заплатили деньги, я не знаю. Но такое может быть, если тот, кто подделывал мою подпись, имел доступ к печати. А я...

– А ты никак не можешь доказать, что не при делах. Я понял.

Он встал и прошелся по комнате. Он был очень большой, но двигался легко и бесшумно, как тень.

– Кем ты работала?

– Начальником отдела рекламы. Я сперва просто рисовала рекламу – еще в институте начала там работать, а потом вдруг оказалось, что я умею организовывать процесс, и меня назначили начальником, хотя я никогда к этому не стремилась. Быть начальником очень скучно, нужно постоянно че-

му-то там соответствовать, и собственно рекламой заниматься уже некогда, полно других обязанностей, но когда под твоим началом люди, и каждый занимается своим делом... В общем, мне это нравилось, хотя возникло ощущение какого-то замкнутого круга, бега на месте, что ли. И тут вдруг это случилось, и все рухнуло моментально.

Я должна была радоваться стремительной карьере – в двадцать пять лет возглавить отдел! Но я не особенно радовалась. Мне хотелось делать рекламу, а не оценивать чужую работу и разбираться в бюджете. Рисовала я все реже, и мне стало казаться, что мир не такой цветной, как я думала... А когда все это грянуло, оказалось, что, кроме работы, у меня в жизни ничего нет. А еще ужасно обидно, что меня обвинили в таких нечистоплотных делах.

– Можно узнать, кто все это замутил. Один человек сможет разобраться. – Он смотрит в темное окно сквозь шторы. – Я попрошу ее помочь тебе.

– Но как?!..

– Не знаю как, но, если хоть что-то можно сделать, она сделает. Я не разбираюсь в таких делах – понимаю ровно столько, чтобы усвоить то, что ты мне рассказала. Остальное для меня темный лес, но не для нее. Спи, утро вечера мудренее, завтра будет день – что-то решим.

– А... все это?

Я кивнула, показывая на комнату, в которой нахожусь. Ведь основной вопрос остался – он же меня не убил, как под-

ряжался, мало того, привел меня в свой дом, и что-то я сомневаюсь, что он всех подряд сюда водит и эти люди знают, чем занимается радушный хозяин. Не могу же я остаться здесь навсегда.

– Это тоже решим. Нет на свете неразрешимых задач, есть ленивые люди.

– Но...

– Все, спи. Завтра у нас день, полный неприятных впечатлений, а у тебя со здоровьем неизвестно что. Как ты себя чувствуешь?

– Странно очень. Я все хотела спросить... А что с моим убийством? Ну, что вы свекрови моей скажете? Ведь она ждет звонка.

– Ничего. – Он фыркнул. – Я перезвонил ей и передвинул срок на завтра. И вообще – не думай больше об этом, представь мне этот вопрос утрясти. Ты пока поживешь здесь – два-три дня, видимо. Вряд ли понадобится больше времени, чтобы привести в порядок твои дела. А потом все закончится, и ты просто вернешься домой и будешь жить, как жила, но без этих двух мокриц в твоей квартире.

– Разве это возможно?

– Посмотришь. Тебе понравится. А трюк с завещанием я оценил.

Это он еще о запертом ящичке не знает.

Она очень уверенная в себе и очень холодная. И имя у нее холодное – Ольга. И глаза – большие, светлые, в темных ресницах – тоже холодные и безжалостные, как у ягуара. Это здание в самом центре города и ее кабинет на пятом этаже – все говорит об успехе и профессионализме в какой-то очень специфической сфере деятельности. Я чувствую себя здесь неуютно, особенно потому, что в ее кабинет меня привел охранник – словно я исламская террористка-смертница, обмотанная взрывчаткой, и со мной нужно держать ухо востро.

Рассказывать этой успешной холеной женщине, какой я оказалась дурой, язык не поворачивается. Тем более что я в той самой одежде, которую Мирон постирал в машинке и погладил тоже он, только все равно она вчерашняя. А эта женщина одета, словно на картинке в журнале мод, и ее безупречный макияж и прическа – немой укор мне, бестолковой неудачнице.

– Чай будешь?

– Я? Нет, спасибо.

– Зря отказываешься, у меня травяной чай. Может, кофе?

– Нет, спасибо, я не пью кофе.

– Чай ты не пьешь, кофе тоже... сок?

– Да, я пью сок, но предпочитаю просто воду.

– Это у тебя принцип?

– Нет. У меня изжога.

Она кивнула, заваривая себе чай, пахнущий лугом. Потом подошла к небольшой панели в стене, нажала – и открылась ниша, в которой стояли напитки.

– Яблочно-виноградный и апельсиновый. Тебе какой?

– Яблочно-виноградный...

Я вообще не хочу ни есть, ни пить, мне очень неудобно и колко. Я не знаю, как рассказать этой женщине о том, что произошло. И не понимаю, чем она может мне помочь. Такие, как она, обычно рядом с подобными грязными делами даже стоять не хотят, не то что вникать в подробности.

– У нас есть общий друг.

Она смотрит на меня точно таким же непроницаемым взглядом, как Мирон, и это странно – не должно быть такого взгляда у подобной женщины. Она не убийца, просто успешная и богатая тетка, что мне не светит даже. Как и работать в таком месте, сидеть в красивом удобном кабинете, куда без сопровождения охранника хрен попадешь. Что у нее общего с моим убийцей?

– Да, можно и так сказать.

Он мне не друг. Я не думаю, что есть на свете человек, которому этот парень мог бы стать другом... или я ничего не понимаю? Я не слишком хорошо разбираюсь в людях и знаю это, а потому всегда сомневаюсь в своих выводах.

– Расслабься. – Она наблюдает за мной, как кошка за мы-

шью. – Если тебя прислал сюда наш общий друг Мирон, значит, ты можешь доверять мне, а я могу доверять тебе. Расскажи, что у тебя стряслось. Считай, что я попутчица в поезде и ты меня больше никогда не увидишь. Просто расскажи, и мы вместе подумаем, что можно сделать.

Я не знаю, можно ли доверять самому Мирону, но выбора у меня сейчас нет. Что можно сделать, когда все вот так? Кто поверит, что я не собиралась обворовать свою фирму на несколько миллионов? Люди охотно верят в плохое. Но я, конечно, расскажу – хотя бы потому, что хуже от этого мне не станет. Ну, будет меня презирать еще и эта Ольга. И ладно. Она меня и правда никогда в жизни больше не увидит. Я уйду из ее идеального кабинета, и на этом наше знакомство закончится. Так что – отчего бы и не рассказать?

– То есть подпись на документах твоя.

– Моя.

– Скверно. – Она отпила из своей чашки и кивнула мне. – Пей свой сок, не отравлено.

– Спасибо.

Я проколола соломинкой пакетик и отпила сока. Просто чтобы не сидеть как истукан, потому что молчание затянулось.

– Ты помнишь реквизиты фирмы, которая требует оплаты за услуги?

– Я все документы отсканировала и сама себе на почту сбросила. Хотела на досуге изучить и понять, как все это

могло произойти, но так и не поняла.

– Иди сюда.

Она кивнула на свой стол и пригласила меня сесть в кресло.

– Вот тебе компьютер, открой свою почту и сбрось мне все, что у тебя есть по этому делу.

Это как раз очень просто. Давным-давно я завела привычку сохранять все документы, которые проходят через мои руки. В моем компьютере есть папка, куда я сбрасываю копии всех договоров, спецификаций, счетов и прочего. И на флешке тоже такая папка есть. Привычка папахивает паранойей, но она меня выручала много раз, вот и сейчас выручила.

– Отлично. А это что?

– Счета...

– Ты сканировала все входящие счета?

– Все, что через меня проходило, здесь.

– Зачем?

– Не знаю. Просто на всякий случай. Понимаете, все может случиться – бумажка затеряется, например, а так она у меня сохранилась, и я могу посмотреть в своем архиве любой период.

Она молча кивнула и вывела на печать документы.

– Этого мало, конечно. А все документы, которые ты хранишь у себя, – они еще где-то есть, кроме твоей почты?

– Да вот же, на флешке!

Флешка у меня в виде божьей коровки – очень милая, в камешках, ни за что не скажешь, что это не простая безделушка: голова божьей коровки отделяется совершенно зверским способом, и вот она, флешка.

– Ты доверишь мне эти документы?

– Конечно. Там нет никаких секретов, просто у меня такая привычка, понимаете?

– Сбрось мне свой архив, я посмотрю.

Зачем ей это, я не знаю, но если нужно – пусть, тем более что я на фирме уже не работаю, да и никаких коммерческих тайн там нет. Все, что я делала конкурентоспособного, осталось в моей голове. Я разрабатывала рекламную стратегию, рисовала макеты, и все ягодки, слоники, котята и смеющиеся фрукты остались со мной, тут мне архив ни к чему.

Ольга взялась за телефон:

– Константин Николаевич, ты свободен? Зайди ко мне, пожалуйста.

Похоже, этот парень – ровня хозяйке кабинета. Хотя и на «ты», но все-таки она спросила, свободен ли, и добавила «пожалуйста».

– Сейчас сюда придет наш начальник службы безопасности, ты перескажешь свою историю, и покажем ему эту липу.

– Почему – липу?

– Потому что подпись твоя подделана, это ежу понятно.

– Подделана? Но как вы выяснили?!

– Это видно невооруженным глазом, и графологическая

экспертиза в два счета доказала бы, что ты не подписывала эти документы. Если бы ее кто-то потребовал, конечно.

– Правда?

А я-то думала, что мне никто на свете не поверит! Я удивилась, когда мне поверил Мирон, но списала это на то, что он не до конца понял, о чем я ему толкую. И вот эта женщина совершенно спокойно заявляет, что она не просто мне верит, а точно знает: я не подписывала эти бумаги.

– Конечно, правда. – Она улыбнулась уголками губ. – Ты себя-то в зеркале видела, девочка? Кого ты можешь ограбить? Какие ты можешь провернуть аферы? Есть люди, которые на это способны. Не обязательно, что сделают подобное, но они на это способны. А есть такие вот эльфы, как ты. С божьими коровками вместо флешки.

– Она просто милая, понимаете?

Обычная флешка – это скучно, а тут целая композиция: божья коровка и цветочки, все усыпано камешками. Очень красивая штука, я ее в Интернете купила. Я вообще многое покупаю в Интернете, потому что ходить по магазинам не люблю. Идиотская трата времени.

– Да чего ж тут непонятного... Здравствуй, Константин Николаевич.

В кабинет вошел высокий плотный мужчина, очень коротко стриженный, такой же холодноглазый, как и хозяйка кабинета, в элегантном сером костюме. Они, видимо, решили меня совершенно раздавить своими нарядами. Потому что я

такое не просто не ношу – я даже не знаю, как это носится. Мне всегда хватало обычных брюк и свитера. Ну и вязаного пальто с этническим узором, конечно. Тут, видимо, таких не носят, и я сейчас выгляжу, как хиппи на венском балу.

– Лина, это Фролов Константин Николаевич, наш начальник службы безопасности. Думаю, все, что ты мне рассказала, можно доверить и ему.

Она протягивает Фролову распечатанные документы, и он их листает, презрительно оттопырив губу. Ну, понятно, с такими грязными делами ему вряд ли приходилось иметь дело.

– Все ясно.

Константин Николаевич отложил бумаги и задумчиво посмотрел на меня. Уж не знаю, что он подумал, но он явно не одобряет моего здесь присутствия.

– А ты, стало быть, Ангелина Яблонская?

– Да.

– Понятно. Ну, где-то так я тебя и представлял. Ладно, ты эту липу мне отдай, Ольга Владимировна, это и правда больше по моей части. Я разберусь, тут особенно и разбираться не с чем. Тем более что тебе есть над чем работать и без этого. Ты не против, Лина?

– Нет, конечно, берите, если надо.

– Дело в том, что эти деятели провернули подобный трюк уже не первый раз. Нашу фирму они, конечно, не трогают – себе дороже, а вот середнячков типа твоего бывшего шефа трясут успешно. Схема простая: составляется договор,

в котором указывается стоимость работ, прилагается акт выполненных работ и выписывается счет. Иногда прилагается гарантийное письмо с обещанием оплаты в определенный срок. Печати во многих фирмах хранятся как попало, в крайнем случае можно достать оттиск и изготовить подделку, образец подписи нужного человека достать относительно легко. Ну и предъявляй к оплате – вот договор, вот акт выполненных работ, вот письмо, гарантирующее оплату. Не хочет клиент платить, говорит, что впервые тебя видит? Идут в суд, и тут уж не отвертишься. Схема простая и действенная, основана на безалаберности хранения печатей фирмы. Ты же много раз видела, как сидит, например, помощник бухгалтера и ляпает печати на кучу каких-то документов. Кто контролирует каждую бумажку, которую он пропечатывает? Никто. Дай ему сто долларов, и он поставит печать на нужный документ, и не докажешь потом ничего. А бумажка с мокрой печатью, настоящей, не поддельной – это уже документ, годный для суда. Такая вот схема, но в данном случае ребята прокололись – подделали твою подпись. И денег они хотели на этот раз больше, чем обычно. И, зная твою привычку досконально читать каждую бумажку, на которой ты ставишь свою подпись, решили не рисковать, подсовывая тебе свое творчество в куче остальных документов.

– Откуда вы знаете, что у меня есть такая привычка?

– Знаю. – Фролов улыбнулся. – Я знаю многое о самых разных людях, а о тебе я слышал не раз, вот и поинтере-

совался. Но это не должно тебя волновать. Надо подумать, кто у вас на фирме мог сделать такую липу. Где ты взяла эти бумаги?

– В куче счетов и актов. На столе одного из менеджеров, он обычно получает почту у секретаря. Но я никогда не видела этих документов раньше!

– Понятно. Многие так попали – просто подписывали то, что им приносили, не глядя. Такое бывает, директор или другое лицо, имеющее право подписи, часто не вникает в каждую писульку, принесла секретарша или бухгалтер, подписал на автомате, и все. Ранее эти ребята разводили коммерсантов на гораздо меньшие суммы. Вот так-то, Лина. Иди домой и предоставь это мне. Да, кстати, проблема у нас... если есть время, помоги, пожалуйста.

– Конечно. Если смогу.

– Сможешь. Ольга, я заберу твою гостью, у Казакова реально запара.

– Конечно. Увидимся еще, Лина.

Она приветливо кивнула мне, и я поняла, что аудиенция окончена, потому подхватила свое вязаное пальто и сумку и пошла вслед за Константином Николаевичем. В чем я могу ему помочь, понятия не имею, но если есть что-то, что я могу для него сделать, то я это сделаю, потому что он сейчас снял с меня ужасный груз. И он тоже поверил мне.

– Это наш рекламный отдел, сейчас у нас тут все заболели – вот так сразу, хором, ходит какой-то вирус. Ты зна-

ешь, как это бывает: кто-то один принес и перезаразил всех. У нас запрещено являться в офис больным, политика такая: заболел – сиди дома и лечись, если можешь, работаешь удаленно, нет – значит, нет, никто не должен умирать на работе, это глупо. Люди в основном так и делают, но разве за всеми уследишь? Иногда случается что-то срочное, и тащится такой человек в офис чихать. И вот результат: практически весь отдел слег. Наказание просто, начальник волосы на себе рвет, и если ты им немножечко поможешь, будет очень хорошо. Если у тебя есть пара часиков. Или просто подожди меня здесь, пока я разберусь с твоими обидчиками.

– Я... ну, конечно, помогу. Если смогу.

Тут к нам вприпрыжку выбежал взлохмаченный худой парнишка, одетый в немыслимый свитер и потертые джинсы.

– Лина Яблонская? Очень рад, очень. Видел твои работы. Я Мирослав Казаков, просто Мирек. Если есть время, идем, покажу, что у меня горит.

Кабинет, куда он меня привел, был полукруглый и очень светлый. Рядом со столом стоял аквариум, под стеклянными стенами – много цветов. Эта комната – словно башня из стекла, полукруглая стена – вся стеклянная. Мне здесь очень нравится.

– Лина, если успеешь – вот йогурты, у меня они реально горят, это на позавчера планировалось, а народ какой-то вирус словил и свалился почти в полном составе. Мне до зарезу нужны эти йогурты, будь они неладны. Сейчас сможешь?

Хотя бы общую концепцию, я большего не прошу. Клиенты будут через пару часов, они, конечно, не станут с нами работать, но нам все равно нужно им что-то предложить. Сможешь сделать?

– Конечно. А почему не станут работать?

– Долго рассказывать, просто поверь мне на слово. Но совсем ничего им не предложить будет неправильно, а человек, который ими занимался, лежит в больнице – осложнение серьезное, вчера забрали прямо из кабинета, и что он делал по этой теме, он не успел мне показать, а то я бы сейчас сам занялся йогуртами, но у меня другие люди сидят в кабинете. Сделаешь?

Скорее, у тебя не во времени проблема, а в том, что ты не хочешь делать работу для людей, которые все равно ее отвергнут. Но мне наплевать на твоих заказчиков, мне до них дела нет, я здесь не работаю, но соскучилась по делу. Мне хочется порисовать.

Йогурты... Да что я только не рисовала! И гуталин, и логотипы всякие, даже сухие завтраки! Всякую гадость – как же, надо продавать. А тут йогурты и человек, который не стал меня убивать и который жить не может без черничного йогурта.

– Нужна этикетка под эту торговую марку, вот макет и название. Если будут идеи насчет формы бутылочки или цветовой гаммы – предлагай. Пусть они не думают, что мы пустое место. У нас, понимаешь, подразделение только созда-

ли. Из рекламного отдела в отдельную структурную единицу преобразовали, выделили крыло в здании, и тут сразу такой, понимаешь, вызов... Хочешь попробовать образец продукции?

— А можно?

— Конечно. В холодильнике бутылки без этикеток, хоть все выпей, они нам сегодня еще привезут. Ладно, я побежал, у меня цейтнот.

Я села за стол — не знаю, чей это кабинет, может, здесь бродят бесхозные вирусы, мечтающие вцепиться в чей-то беззащитный организм, ослабленный стрессом, но мне плевать — я всегда мечтала, чтобы у меня были рыбки, но дома это было невозможно из-за Виктора, а на работе не приветствовалось. А тут такой аквариум и столько цветов!

Я достала из холодильника несколько баночек с йогуртом. На вкус ничего, нежный. Как там Мирон сказал, пища богов? Ну, не знаю насчет богов, но продукт неплохой. И если придумать забавного эльфа и божью коровку, и сделать рекламу частично анимированную... Вот такого эльфа, с глазами как у Ольги. И шапочку-колокольчик, и волшебную палочку, он с божьей коровкой на пару будет сыпать в йогурт ягоды, а вот такая корова на лугу дает им молоко, божья коровка и эльф готовят йогурт. И дети, которые играют тут же, их вообще вначале можно сделать в черно-белом варианте — на ярком летнем лугу, потом они пьют йогурт и становятся яркими, как все вокруг, а эльф и божья коровка сидят на ухе

коровы и смеются. Это будет мило и забавно, понравится детям и взрослым, им захочется купить этот прекрасный йогурт. А потом с эльфом и божьей коровкой можно придумать кучу интересных рекламно-маркетинговых мероприятий.

Я рисую эльфа и корову, и божью коровку, и стори-борд с черно-белыми детьми на ярком летнем лугу, и зеленый блестящий горшочек с йогуртом, полным ягод и кусочков фруктов. Это будет волшебный горшочек. Если заказчику понравится, на таком материале можно сделать красивый рекламный ролик. Сейчас распишу слоганы и диалоги – и все, готово. Здесь отличная бумага и хороший набор для рисования, и рисуется легко, потому что решение пришло очень быстро. Жаль, что заказчики не захотят этого. Интересно, зачем заказывать рекламу, если не собираешься работать с рекламщиком? Глупость какая-то получается. А эльф и жучок – очень милые. Я, пожалуй, подарю эти рисунки Тоньке, она будет в восторге.

Я соскучилась по своей работе. На прошлом месте у меня была куча административных дел и конкретно рекламой я занималась мало, я больше оценивала чужую работу – что-то подправляла, что-то меняла. А сейчас мне не надо думать ни о чем, кроме того, что я сама делаю, и я почувствовала, как соскучилась по тому, чем я, собственно, только и могу заниматься. Раз не надо переживать по поводу клиента, буду рисовать для Тоньки.

Я разложила рисунки на столе, чтобы они подсохли.

Не понравятся – заберу домой, тоже мне, горе. Хотя мне очень нравятся и эльф, и божья коровка, и эта корова с толстым выменем и ромашкой за ухом. И дети, к которым словно жизнь возвращается, когда они пьют йогурт из волшебного зеленого горшочка. Никаких бутылочек, это будет горшочек с выпуклыми уютными боками.

– Ну, как ты тут?

Мирослав просунул голову в кабинет и, увидев разложенные рисунки, вошел и наклонился над ними.

– Подожди... ты прямо со слоганами, с диалогами сделала?

– Надо же им показать, что мы работали. В процессе презентации можно будет что-то поменять, но пока вот так... Нет, если это не годится, то...

– О господи.

Он смотрит на меня, как правоверный католик на собор Святого Петра.

– Слушай... а ведь на это они могут согласиться. Это очень интересное решение, но даже если они откажутся, ты реально меня спасла. Заказчики будут через пять минут. Ты их увидишь, у меня ноги немеют, когда эта баба на меня смотрит... А тут еще мы заказ просрочили на целых два дня, и они в ярости, у них бюджет горит, они перебирают рекламщиков. Смотри, уже просохли рисунки, бери и пошли, будешь им это презентовать.

– Я?!

– Это же твоя идея, значит, и кампания твоя тоже. Мне очень понравилась эта парочка – эльф и жук. Корова смешная, и идея с черно-белыми детьми – очень интересная. Ты им объяснишь, почему видишь именно так – мне пришлось бы с твоих слов, а зачем испорченный телефон, если ты здесь. Идем, время дорого, они вот-вот будут тут. Если им не понравится, я эту идею пристрою, не переживай. Очень симпатично получилось. Идем, нечего тормозить.

– Ладно...

Мы осторожно собираем рисунки и идем в зал заседаний. Людей здесь мало – какая-то девушка принялась помогать мне закреплять рисунки в нужном порядке, потом побежала за напитками, расставила стаканы. Сам Мирослав убежал куда-то, скрылся, и я осталась одна. Я огляделась – овальный зал, овальный стол, высокие стаканы из толстого синего стекла, бутылочки с водой и пакетики с соками.

– Пить хочешь? – Девушка внесла еще поднос с соками. – Бери, пей, это специальный сок для презентаций, его пить можно сколько угодно, мы его ящиками закупаем. Вот еще печенье, оно шоколадное с орехами, тоже можно брать.

Я взяла пакетик с яблочно-виноградным соком и, проглатнув его, поспешно выпила – лакать сок перед заказчиками не годится, а пить мне хочется. Вчерашний день после всей этой суматохи кажется мне чем-то далеким и нереальным, и все мои неприятности словно отошли куда-то на задний план, будто и нет их больше. А есть этот зал, мои рисунки

и ожидание того, что придут люди, и мне надо, чтобы они моими глазами посмотрели на то, что я для них нарисовала. Мне нужно убедить их, что эльф в шапочке из колокольчика и божья коровка с венчиком в лапках – это самое то для рекламы их йогурта, а если они сделают такие вот зеленые баночки-горшочки, то у них от покупателей отбоя не будет. Это один из основных законов рекламы – достучаться до подсознания покупателя, а его подсознание говорит: в зеленом горшочке – натуральный продукт.

И нет никакого страха перед клиентами, а есть лишь кураж – только что родились у меня эти персонажи, они такие забавные и живые, потом можно будет нанимать девчонок и наряжать их в эти костюмы, и это будет сказочно и красиво, а дети любят все сказочное. Мне хочется, чтобы эти люди в немыслимых дорогих костюмах тоже захотели взять волшебный горшочек из рук эльфа, и чтобы они не сидели с такими лицами, словно хоронят любимую бабушку, а смеялись, потому что вот же он – летний луг, и корова, и бледные замученные дети, которые оживают и набираются здоровья, когда им дали волшебный горшочек с йогуртом. Можно еще сделать зимнюю сказку, где будет фейерверк из цветов и ягод – прямо на снегу, и... многое можно сделать, если взять эту идею. Мне так кажется.

– Отлично.

Высокая полная женщина в строгом синем костюме смотрит на мои рисунки и одобрительно кивает.

– Валя, а упаковка? – Лысоватый тип недоверчиво качает головой. – Мы хотели простые бутылочки или пластиковые контейнеры.

– Это скучно, у всех бутылочки и контейнеры. А мы делаем волшебные горшочки – зеленые, желтые, золотистые можно, если акция, например. Ими дети будут играть, и никаких других не захотят больше. Эльф – это отлично, можно потом добавить зловредного лепреккона¹, который будет пить йогурт, а в горшочки складывать монеты...

– Да, он станет его пить, чтобы получить емкость для монет, а сам будет становиться добрым и под конец раздаст детям монеты! Можно сделать акцию – снять ролик и к каждому горшочку привязать золотую монетку с буквами, а кто их соберет в слово, тому приз. Ой, извините, не хотела вас перебивать...

– Отличная идея, есть где разгуляться фантазии, так что мы это берем. Мирослав, мы ждали не зря, я очень довольна. Честно говоря, мы уже собирались обратиться в другое агентство, но теперь об этом и речи нет. А вы...

Она обернулась и посмотрела на меня. Сердце ушло в пятки. Она ничего не знает, но меня обвиняют в мошенничестве вообще-то.

– Это Лина, она у нас недавно. – Мирослав говорит так, словно все уже решено. – И она будет проводить вашу ре-

¹ Персонаж ирландского фольклора, волшебник, изображается в виде маленького человечка.

кламную кампанию.

– Отлично. Тогда приступайте. Все, господа, нам пора. Детали обсудим завтра, а сегодня я хочу, чтобы эти рисунки прислали мне на почту, я собираюсь нырнуть в эту сказку.

Все сразу стали подниматься, а я стояла около стойки с рисунками, но мысленно сидела на коровьем ухе и никого не хотела видеть.

– Ты очень красиво все нарисовала, Лина.

Женщина в синем костюме смотрит на меня с улыбкой.

– Правда? Вам понравилось?

– Очень. – Она серьезно кивнула. – Знаешь, когда я была девочкой, мне очень хотелось такой наряд, как у эльфа. Это сейчас полно всего, а тогда был дефицит, и я мечтала о таком платье с кринолином и о туфельках с пряжечками.

– У меня книжка есть старенькая «Волшебник Изумрудного города» – самое первое издание с иллюстрациями художника Александрова... вот там туфельки так туфельки!

Мы переглянулись и засмеялись. Почему я считала ее сердитой? Она веселая, и ей хотелось надеть эльфийское платье, мне его в детстве тоже хотелось, но в отличие от этой женщины я его получила. Бабушка Маша умела угадывать мои желания – и отлично умела шить.

– Что ж, еще увидимся, Лина.

Зал опустел, а мне захотелось пить, просто спасу нет. Я подошла к столику, на котором громоздились напитки и, выбрав пакетик с соком, безжалостно проткнула его соло-

минкой. Наверное, для этого пакетика я как Дракула.

– Ну, Лина, ты дала стране угля!

Мирослав вприпрыжку вбежал в зал заседаний. Интересно, он умеет просто ходить? Энергия из него ключом бьет.

– Я рада, что оказалась полезна.

– Полезна? – Мирослав округлил свои зеленые глаза. – Ты, видимо, не поняла. Эти люди из фирмы «Варус», транснациональная компания, крупнейший производитель... всего, что касается продуктов питания. Чтобы ты понимала, они перебрали *все* рекламные агентства Москвы, Питера, Новосибирска и даже за границу ездили – никто, слышишь – *никто* не смог им угодить. У них не было концепции, они не знали, чего хотят, а это хуже всего. Я был уверен, что они не дослушают, а встанут и уйдут, с другими так и было, не знаю, как тебе удалось угадать, что им надо.

«Я не для них рисовала, а для Тоньки. Ты же мне сказал, что клиенты все равно ничего не захотят, вот я и нарисовала для нее сказку».

– Я попробовала йогурт, и оно вдруг пришло.

– Отлично. Я сам вижу эту кампанию – сколько интересного можно сделать с этими персонажами, даже комиксы выпустить! Это золотое дно для рекламщика, и ты сегодня сорвала джекпот, понимаешь ты или нет? Похоже, что нет. Тетка, что тебе улыбалась, – настоящая акула, Валентина Одолина. Ее такие зубры обхаживали, а она стоит с тобой и хихикает. Над чем вы хихикали?

– Над туфельками Элли.

Мирослав смотрит на меня, скорчив такую гримасу, что удержаться от смеха невозможно.

– Ты зацепила ее за самое нутро – вот это и есть настоящая работа: зацепить клиента, воскресить его детские желания и симпатии. Мы все родом из детства, у всех есть нереализованные желания, несбывшиеся мечты, и дело рекламщика – дотронуться до этих потаенных и забытых воспоминаний, вытащить, дать их человеку: вот они, доступны, просто протяни руку. Идея с волшебными горшочками, с лепреконом и монетами – выше всяких похвал, причем ты это на ходу придумала, как и новогоднюю кампанию, а они это увидели и оценили. В общем, так. Если у тебя нет других планов, я бы хотел обсудить твою зарплату. Кабинет, насколько я понимаю, тебе понравился.

– Мирослав, я должна вам сказать, что...

– Не «вам», а «тебе» – мы все здесь на «ты», привыкай.

– Но... дело в том, что я... меня с прошлой работы выгнали.

– Отлично, значит, другой работы у тебя нет. Завтра сможешь начать?

– Меня выгнали, обвинив в мошенничестве и попытке присвоения средств фирмы.

Он посмотрел на меня и засмеялся. Я не понимаю, что смешного в том, что меня выгнали со скандалом на виду у всего офиса.

– Проехали. – Мирослав уже отсмеялся. – Только полный дурак мог поверить в это, а я не дурак, Лина. Насколько я понимаю, наш Фролов этой проблемой уже занимается, так что больше тебе не о чем беспокоиться. Как он лихо тебя сюда приволок, а? Послушай, у меня есть работа, а твой защитник будет занят еще где-то час, и если ты собираешься его ждать...

– Он велел ждать.

– Может, поможешь разгрести завалы?

– Конечно. Давай, что нужно, и я с удовольствием... если смогу.

– Брось это, Лина. – Мирослав уже не улыбался. – Ты все можешь, неужели ты не поняла? Подруга, ты сегодня сорвала заказ, который сулит такие деньги, что даже я приседаю от восторга и ужаса. У них чудовищный рекламный бюджет, это транснациональная компания с главным офисом в Лондоне. Они выпускают молочко, соки, конфеты, сладкие напитки, джемы... да боже мой, чего только они не выпускают! И если им понравится наша работа – а они *уже* готовы платить, то, имея их в клиентах, мы будем кушать свой хлеб с икрой, и икра будет не кабачковая, уж будь уверена. А главное – ты понравилась Одолиной сразу, а это не что попало. Так что оставь сомнения, Лина. Я рад, что ты с нами.

Интересно получается в жизни. Только что все рухнуло – и вдруг само по себе построилось снова. Может, старое сломалось именно потому, что нужно было дать дорогу новому?

Я не сильна в таких материях, но сейчас я чувствую себя спокойно и уверенно. Хотя утром мне казалось, что я на этом свете лишняя.

– Голову откинь... Теперь спокойно лежи.

Что-то липкое полилось мне на грудь и шею и частично на лицо. Это невозможно будет отстирать и сложно отмыть. Налепили нашлепку из воска, прямо на правый глаз, и это добавило негативных ощущений. А второй глаз открыть нельзя.

– Подожди, Костя, руку надо вот так. Лежи, тело.

Это мне кто-то говорит. Я – труп, и меня сейчас вертят во все стороны, укладывая как можно более правдоподобно. И всю залили чем-то липким, но это точно не кровь, потому что запах не похож. Наверное, краска, одежду, судя по всему, теперь придется выбросить.

Кто-то берет мою руку и подворачивает ее.

– Спокойно. Дай мне сделать свою работу.

Мужской голос, и я знаю, кто говорит – красивый темноволосый мужик по имени Дэн. Так его все тут называют. У него темные брови вразлет, темные короткостриженные волосы, чеканный профиль и обалденные глаза. Светлая кожа, чисто выбритые щеки, крепкий подбородок... Я видела его очень недолго, Фролов познакомил меня с ним вскользь: знакомься, Лина, это Денис Реутов! – он вообще здесь всех знает и Дэна тоже... Не успела я повосхищаться его неземной красотой и невероятно соблазнительной задницей, как он де-

ловито уложил меня на пол, засыпанный листьями, и принялся лить эту липкую гадость и дергать меня за конечности. Он называет меня просто – тело. Лежи, тело, не мешай мне работать.

– Так тебе неудобно, я знаю, но ты должна иметь вид трупа.

– Лишь бы не запах...

– Нет, запах нам не требуется. – Он засмеялся. – Забавная ты какая... Лежи вот так, я посмотрю, как ты выглядишь в объективе. Не двигайся. Лицо верни на место, улыбающийся труп – это зрелище так себе. Ага, вот так хорошо. Все, не двигайся, снимаю! Черт, подбросьте на нее немного листьев – будто ветром нанесло... ага, вот так. Тело, не двигайся! Теперь лицо крупным планом... рот приоткрой... вот, хорошо, снимаю. Есть. Все, всем спасибо, свободны. Тело, поднимайся.

– Что вы на меня налили?

– Искусственная кровь, как в фильмах ужасов. В нашей лаборатории взял. По цвету и консистенции неотличима от настоящей, но запах, конечно, химический.

– Это хорошо. Она отстирается?

– Понятия не имею.

Он такой красавчик – и я, вся в искусственной крови, и листья облепили меня, еще и под труп загримирована. То есть мне реально сделали такой макияж. В зеркале я вижу свои волосы – всклокоченные, слипшиеся кровавыми со-

сульками, и синие тени под глазами, бледные губы – ну, точно восставшая из мертвых, как в фильме ужасов. А нашлапка на глазу кажется кровавой дырой, это реально страшно. И весело.

– А нашлапка на глазу? Зачем она, для страха?

Дэн на минуту замялся и отвел глаза.

– Что?

– Не хотел тебе говорить... Ну да теперь все равно узнаешь. Они хотели для подтверждения твой глаз. Ну, кроме фотографий.

– Глаз?!

– Вот черт... Я тебе не говорил, не хотел пугать. Она глаз твой потребовала как доказательство.

Хорошенькое дело.

Я даже представить себе не могу, как бы они потом этот глаз рассматривали. А куда бы они его дели в итоге, просто выбросили? Хорошо, что не знала, я бы все время об этом думала.

– Прямо как злая мачеха в сказке о Белоснежке... только та вроде бы сердце хотела, а тут глаз... я-то думала, зачем вы мне эту нашлапку на лицо наклепили.

– Ну, вот. Передаст ей наш человек фотографии и глаз, она деньги ему отдаст, и готово. Нам за раскрытие дела честь и хвала, а ты живешь как жила и в ус не дуешь.

– Что теперь?

– Теперь, Лина, езжай домой, дальше я сам буду зани-

маться твоими родственниками. – Дэн смотрит на меня, как на экспонат кунсткамеры. – Да, гример постарался... отличные фотографии должны получиться, хочешь посмотреть, что мы на «полароиде» сняли?

– Ну...

– Вот, смотри.

Я вообще-то не рвалась, но он мою нерешительность расценил по-своему. Полицейским, наверное, кажется, что всех остальных граждан просто хлебом не корми, дай поучаствовать в какой-нибудь их операции, а уж в роли трупа – вообще роскошно.

Фотографии жуткие – теперь я знаю, как буду выглядеть, если что. И оптимизма мне это не добавило. Зазвонил телефон, мне уже известен этот номер.

– Вы там закончили?

– Ага.

– Тогда выходи, жду тебя на улице.

– Но, Мирон...

– Давай мигом.

Я вздохнула – мне бы переодеться, никто не сказал, что меня будут измазывать такой гадостью, но переодеться все равно не во что. И ванной комнаты здесь я не наблюдаю. Ладно, отмоюсь потом.

– Тебя отвезут домой? – Фролов вопросительно смотрит на меня, и я понимаю, что ему некогда со мной возиться, ему интереснее с Дэном. – Или подбросить?

– Нет, спасибо, за мной уже приехали.

– Ладно, удачи. И до завтра. Отдыхай, но к двенадцати жду тебя в офисе, как подъедешь – позвонишь, я встречу. Охране тебя покажу опять же.

– До завтра.

Они уже склонились над какими-то записями, и я выхожу из комнаты, где меня снимали. Это прямо в здании райотдела, я иду по пустому коридору, за закрытыми дверями слышны чьи-то разговоры, звонят телефоны, и коридорам конца нет, надо бы найти кого-то и спросить, где у них выход. Вроде бы за этой дверью люди просто общаются – слышны веселые голоса. Я заглядываю в кабинет. Там за столом сидят трое молодых парней и пьют что-то из керамических кружек. На столе в тарелках разложены бутерброды.

– Простите... я слегка заблудилась, мне надо выйти...

Один из мужиков судорожно икнул и упал под стол, уронив кружку. Она разбилась, осколки разлетелись по полу, потекла какая-то темная жидкость – наверное, растворимый кофе.

Еще один взвыл и потянулся за оружием, третий вжался в стену и вдруг тонко закричал. Такое впечатление, что они с ума сошли... о боже, ведь я до сих пор загримирована под труп! Вот дура-то, господи помилуй!

Чья-то сильная рука дергает меня в сторону двери, и Дэн громко командует:

– Отставить панику! Пистолет на место! Визжать прекра-

тил! Козлова поднимите кто-нибудь!

Он обернулся ко мне, и я вижу, что в нем борются два желания: заржать в голос и надавать мне лещей. И я не думаю, что это взаимоисключающие желания.

– Я только через пять минут сообразил, что мы отпустили тебя как есть – блуждать по нашим коридорам, и ты явно попытаешься спросить дорогу, а тебя просто пристрелят с перепугу. Ты себя в зеркале видела, чучело?

– Могли бы сказать, что измажете меня этой дрянью, я бы одежду захватила, а так...

– Извини, ты права. Стой здесь. – Он подошел к лежащему на полу сотруднику. – Голову разбил... зовите врача, что ли.

– Там...

– Там потерпевшая, загримированная для проведения следственных действий. Ты что, Павлов, фильмов ужасов насмотрелся? Кобуру закрой, ты же чуть не пристрелил ни в чем не повинную женщину. Все, тело, идем. Я тебя выведу, иначе ты мне всех сотрудников распугаешь.

Всех не всех, но когда навстречу нам попались двое патрульных, а между ними – громила самого криминального вида, то они от меня шарахнулись в разные стороны, как тараканы, при внезапно загоревшемся среди ночи на кухне свете. При этом громила закрыл лицо скованными руками, а один из патрульных мирно сполз по стене. Ну, что ж, это тоже опыт. И в эту минуту у меня в голове созрел очень смешной план, если я уговорю Мирона мне помочь, то воспоминания

об этом деле будут греть мою душу очень долго.

– Нашлепку с глаза сними, выглядит жутко.

– А остальное – просто зашибись?

– Нашлепка – самый цимес. Где твоя машина? – Дэн с сомнением смотрит на меня. Я очень убедительна в виде трупа. – Ты говорила, что за тобой приехали?

– Вот.

Машина Мирона вырулила из-за угла, и я, тронув Дэна за руку, побежала к ней – в салоне остались мое пальто и сумка, а на улице холодно.

– Эй, тело, завтра я позвоню.

– Хорошо. А у вас есть мой телефон?

– У Фролова возьму.

Я сажусь в машину, снимаю с глаза нашлепку и прячу в карман. Мирон смотрит на меня со своей непроницаемой миной.

– Очень живописно.

– Да? Я тоже так думаю. Даже полицейские в обморок упали.

– Как это?

– Я вышла и заблудилась. Они меня туда привели, я дорогу не запомнила, а потом они со мной закончили и говорят – все, иди. Вы мне позвонили, ну я и пошла. А там у них коридоров уйма, где выход, я не помню. И я реально заблудилась, вот и решила спросить дорогу, сама-то забыла совершенно, что в этом гриме и в крови. Это искусственная кровь, знае-

те? Ну, вот я захожу в один из кабинетов, а там сидят трое и пьют кофе с бутербродами. Меня увидели – и врассыпную: один сразу в обморок, чашку разбил, и голову тоже, второй схватился за пистолет, а третий принялся кричать... потом пришел Дэн и вывел меня, а по дороге двое патрульных вели задержанного в наручниках, и...

Происходит нечто странное. Мирон хохочет. Упал на руль и хохочет – плечи его вздрагивают, он всхлипывает и пытается совладать с собой, но смех распирает его, как будто он копился в нем сто лет, а теперь наконец вырвался наружу.

– Ты просто ходячее недоразумение, ты это знаешь?

Он вытер глаза и посмотрел на меня с веселым интересом.

– Ты постоянно влипаешь в какие-то нелепые истории. Когда тебя обвинили невесть в чем, ты решила сойти с планеты. Когда тебя решили убить, ты не нашла ничего лучшего, чем составить завещание и напиться таблеток. Когда тебя пришли убивать, ты спросила, не угодно ли мне, чтобы ты встала поудобнее – для более эффективного сбрасывания тебя с крыши. Потом ты торговалась со мной на предмет утопления – тебе резко захотелось стать русалкой. Потом ты блевала, варила суп, едва не умерла – а сегодня, я слышал, пошла в самую крутую контору к моей подруге за советом и помощью и добыла их рекламному отделу контракт, о котором мечтали все рекламщики страны. Между делом поучаствовала в любительской театральной постановке в роли трупа и распугала ментов в отделе. Это очень насыщенная

программа для двух суток, тебе не кажется?

– Почему вы не сказали, что они хотели мой глаз?

Он перестал смеяться и отвернулся. Я знаю, что он слышал вопрос, и сейчас либо ответит, либо нет, но лучше бы ответил.

– Не хотел тебя пугать. – Он нахмурился и вздохнул. – Ясная ты душа, Лина. Зачем тебе в это вникать.

Да, мысль о том, что им было мало просто моей смерти, меня не слишком порадовала, и мой план обрел очертания и смысл.

– Что тебя гложет?

Надо же, он понял, что я что-то задумала.

– Видите ли... я хотела попросить вас о личном одолжении.

Он фыркнул:

– Я второй день у тебя золотая рыбка на посылках. Одним личным одолжением больше, одним меньше... Говори.

– Давайте съездим туда, где сейчас моя свекровь.

– Зачем?! А, вот оно что. Хочешь ей показаться во всей мертвецкой красе?

– Ну, да! Вы представляете, как это будет смешно?

– Тетка может с перепугу и в ящик сыграть.

– Она крепкая, у нее даже давление никогда не повышается. Ну, давайте сделаем это, очень хочется! Когда еще такой случай представится! Я уверена, будет ужасно смешно.

– А давай. – Он вдруг хлопнул ладонью по рулю. – Гулять

так гулять, давай поедem, сделаем смешно. Конечно, ужасного в этом будет гораздо больше, чем смешного, и тем не менее задумка мне нравится. Как ты хочешь это сделать?

– Это зависит от того, где она сейчас находится.

– Она у себя дома.

– Тогда все отлично, она живет на первом этаже.

Тихо смеясь, он развернул машину, и мы поехали по плотине.

– Ты сумасшедшая, знаешь?

– Зато весело. Как получилось, что всем этим занялась полиция?

– Я Ольге рассказал, и она, не называя, конечно, меня, рассказала их кренделю из службы безопасности, а он дунул в полицию. Я кое-что Ольге для них передал, чтобы они могли это дело довести до конца, не упоминая обо мне.

– А что ты передал?

– О, это прогресс – ты назвала меня на «ты». Двое суток потребовалось. – Мирон притормозил на светофоре. – Сейчас главное, чтобы нас не тормознули, будет на твоей совести рухнувший в обморок гаишник.

– А ты езжай осторожно. Так что ты передал полиции?

– Записи бесед – я-то голос менял, а свекровь твоя и супруг – не стеснялись особо. Ну и купюры, от нее полученные. Там ее отпечатки и ДНК, она пальцы слюнявила, пересчитывая. Видеть она меня не видела, деньги передала в пакете в парке в условленном месте, так что мусора сейчас мигом

подставят своего человека, глаз возьмут в морге...

– Скажи мне... а то, что ты не выполнил заказ, а, наоборот, сдал заказчика – это ничего?

– Ничего. Диспетчер – я, и все заказы идут через меня. Я этот взял, потому что уезжать не надо, я с некоторых пор неохотно уезжаю из города и вообще отхожу от дел, а тут такой простой заказ... кто же знал, что все так обернется. Цепляй эту штуку обратно на лицо, подъезжаем.

Я достаю из кармана восковую нашлепку, изображающую кровавую дыру, и прикрепляю ее на глаз. Если не знать, что это фальшивка, вид натуральный. Я понимаю, отчего шарахались и падали в обморок граждане полицейские.

– Когда Константин Николаевич пришел в кабинет и стал расспрашивать о моем предполагаемом убийстве, я очень удивилась. Но потом пришла Ольга и объяснила, что мне нужно рассказать ему все, что ты так велел. Ну, я и рассказала, что знала, но о тебе ни-ни.

– Оля мне сообщила. Ты была очень осторожна, ей это понравилось. Ты с Ольгой дружи, она тебе опорой будет не раз. И ей верный человек нужен, а ты как раз такая.

– Откуда ты ее знаешь?

– Она и есть та первая цель, которую я оставил в живых, а вместо нее вальнул заказчика. Нас нанял ее убить один богатый сукин сын, Олька много знала о его делах. И сам поперся с нами – алиби ему понадобилось, ну и узнать, как много она раскопала и кому еще могла рассказать о его

мутках. План был такой – он на виду у всех входит в подъезд, сидит у нее в квартире полчаса, потом выходит и делает так, чтобы как можно больше народа видело, как он вышел, а Олька в это время падает из окна. И он ни при чем, всех собак на нее можно повесить. Но у него был другой план – мы выходим от Ольги, садимся в машину, и она взрывается. Понимаешь? Мы ее выбрасываем из окна, а он нам взрывное устройство под бак. Олька это поняла и сказала нам, мы с напарником обыскали его – точно, взрывное устройство в кармане. Ну и все. С тех пор Олька мне друг.

– Ты ей благодарен. А меня почему ты не убил?

Он долго молчит, и я молчу. Я знаю, что ему трудно со мной об этом говорить, но он должен сказать, я хочу знать.

– Еще несколько лет назад убил бы. – Он вздохнул. – А потом встретил Ольку... и других людей. Хороших, настоящих. Друга встретил. Он такой же, как я, а может, и страшнее меня будет. Да что там – «может», у него внутри такой зверь в клетке сидит, что лучше ему так в клетке и оставаться. Но он пришел к людям, и они приняли его такого, как есть, и он рядом с ними стал самим собой... Нет, ты не поймешь, ну да ладно. И тут этот заказ. Я ходил за тобой, смотрел, как ты с жизнью прощаешься, а эта бабища, свекровь твоя, придумала насчет глаза, значит. И муж твой тоже красавец – надо, чтобы были доказательства, мы вам не лохи какие-то! Ну а потом на крыше ты за мою руку ухватилась, чтобы встать – а ручонка тонкая, все косточки чув-

ствуются, сожми – и треснут, сомнутся... но ты не боялась меня, ничего не боялась. Я видел. И когда ты начала нести ахинею о том, чтобы стать русалкой... в общем, понял я, что очень большой грех – убивать такую. Есть некая грань, понимаешь, и если перешагнешь ее – человеком быть перестанешь. У каждого из нас она своя, эта грань, и пока она есть, до тех пор ты чувствуешь себя человеком, хоть и специфическая работа у тебя, а если она пропадает, все, пиши пропало. Вот ты для меня стала такой гранью. Я всегда интересуюсь, за что надо убить человека, это мое условие – знать, за что. Один ребенка убил и избежал наказания, и ему мстят, другой еще что-то, а тут была просто жадность двух подонков.

– То есть ты меня пожалел?

– Не тебя даже. Я подумал, что мир без тебя потеряет нечто хорошее. То, что делает его местом, пригодным для жизни. Ты что-то там пицала, молола всякую чушь, а я уже знал, что не убью тебя, понимаешь? И не убил.

– Ясно.

Мы молча сидим в машине, и у меня такое чувство, как в детстве, когда нас с Петькой застала в лесу гроза, и мы залезли под корни большого дерева – там будто пещера была вырыта, мы сидели там, а гроза бушевала над нами, и было такое ощущение, что нет и не будет у нас никого ближе, чем мы друг другу. И вышло, что в жизни не было у меня никого, кроме Петьки, и когда он женился на Светке, я созна-

тельно отдалилась от него, потому что не понимала, как мой Петька – хороший человек и брат – мог жениться на такой хабалке. Он и сам, наверное, не знал, но родилась Тонька, и он к ней прикипел всем сердцем. Но даже ради племяшки я не могла смириться с тем, что Петька живет в одной квартире с этим существом – вечно орущим, вечно недовольным, вечно голодным и готовым к атаке. Хотя, конечно, я его переплюнула с мужем. Светка, по крайней мере, не заказывала убийство Петьки.

Я сижу в машине с человеком, который держит мою жизнь в своей руке – но держит осторожно, словно птицу.

– Ну что, как ты это сделаешь?

– Подсадишь меня, я на лоджию влезу и постучу ей в окошко.

Он засмеялся. Мне легко с ним – его мои вредилки забавляют. Другой бы ужасался или осуждал, а он просто подсадит меня на лоджию.

– Тут главное – никого по дороге не встретить, иначе сюрприз не получится.

Он прав – тишина стоит невероятная, сгустился туман, и искусственная кровь, которая начала уже подсыхать на мне, снова влажно заблестела. В общем, вкупе с нашлепкой вид у меня тот еще, и если сейчас кто-нибудь заорет с перепугу, узрев эту красоту, сюрприза может и не быть.

– Вот ее лоджия.

– Вижу. – Мирон смотрит на меня с веселым ужасом. –

Видок, конечно, инфарктный. Не ровён час – помрет она с перепугу.

– Ничего ей не сделается, вот увидишь. Ну нельзя же такой случай упустить!

– Нельзя.

У свекрови две комнаты, выходящие на разные стороны дома. Одна лоджия застеклена, там она держит картошку и консервацию, а та, которая из гостиной, стоит как есть, летом свекровь на ней сушит белье или сидит, болтает с соседками.

– Подсади меня.

В комнате горит свет и слышно, как работает телевизор, – свекровь, когда сидит дома, любит коротать вечера в гостиной. Свет приглушенный – значит, включен ночник. Что ж, это к лучшему. Мирон взял меня за бедра и приподнял, я встала на бортик лоджии и перелезла внутрь. Здесь пусто, только в углу свалены деревянные ящики.

Я заглядываю в комнату. Свекровь разговаривает по телефону. Что она говорит, не слышно из-за работающего телевизора. Но вот она отложила сотовый, поднялась, приставила к серванту стул и тяжело взгромоздилась на него. Что-то ищет на антресолях, достала какой-то пакет... Ага, это она деньги взяла – видимо, решила пересчитать.

Неуклюже оттопырив свою монументальную задницу, она слезла со стула, прижимая к груди пакет, – это понятно, дороже денег для нее только сын. Неужели все-таки пересчи-

тать решила? Вот дура, все же знают, что считать деньги после захода солнца – плохая примета, к нищете.

Я осторожно постучала в окно. Видимо, орущий телевизор глушит мое тихое потустороннее царапанье, и я стучу более ощутимо – свекровь услышала посторонний звук и зажгла верхний свет. Отлично, увидит меня во всей красе. Тем временем я постучала снова, и свекровь, близоруко прищурившись, зашарила в поисках очков. Я стучала снова и снова, и мамаша Виктора, водрузив на нос очки, отдернула занавеску.

И увидела меня. То, что полицейские падали в обморок от моего вида, о чем-то говорит.

Челюсть у нее отвисла и заходила из стороны в сторону. Глаза выпучились и, вероятно, упали бы на пол, если бы не очки. Она явно хочет заорать, но в зобу дыхание сперло. Я грустно протянула к ней окровавленные ладони, глядя на нее единственным глазом, и она, как-то странно хлопнув, исчезла из поля зрения.

Сзади раздалось приглушенное хрюканье – это Мирон не смог отказать себе в удовольствии созерцать спектакль. Мы заглядываем в комнату – свекровь лежит на полу, вокруг нее разлетелись купюры.

– Говорил же тебе – помрет баба.

– Она жива, смотри, дышит. Поехали отсюда.

– И то.

Он слезает с лоджии и протягивает мне руки.

– Иди сюда. Осторожно...

Только сейчас я ощутила, как сильно устала. Он принял меня на руки и понес к машине.

– Я и сама дошла бы.

– Дошла бы, конечно, только так быстрее будет, да и устала ты.

– Устала. Но ты рубашку измажешь, я же вся в этой гадости.

– А черт с ней, с рубашкой.

Он усаживает меня в машину и садится сам. Тихо смеясь, мы выезжаем на узкий мост, минуем остров и сворачиваем туда, где притаились улицы частного сектора.

– В ванную хочу ужасно. Вот, блин, а во что же я переоденусь? Мне завтра на новую работу. Ты знаешь, что я сегодня рекламировала йогурт?

– Олька говорила. Ты молодец, Лина. Дома халат наденешь, а насчет другой одежды не беспокойся, я сегодня по магазинам проехался и купил тебе того-сего.

– Ты? Мне? Купил одежду?!

– И белье, и пару туфель. Надеюсь, окажутся впору. Ты же завтра в солидный офис пойдешь, нельзя выглядеть как хиппи. Ты вообще одеваешься несуразно. Молодая, красивая девушка, что это за унисекс вечно на тебе? Пальто это, где ты его откопала? Почему никогда не надеваешь юбку, туфли на каблуках? В общем, надо все менять.

Я от удивления лишилась дара речи.

Никогда ни один мужчина на свете не покупал мне... да ничего не покупал. Виктор вообще считал, что подарки – это глупость, деньги лучше отложить на черный день. Любопытно, как быстро у него черный день настанет.

– Все, выходи, приехали. Погоди, возьми пакеты из багажника.

Я наклоняюсь над багажником, а Мирон выходит из машины. Кто-то вдруг оказывается совсем рядом, и Мирон падает, а напавший поворачивается ко мне, он двигается быстро, он уже прямо передо мной, и я вижу круглые от ужаса глаза – ах да, я же до сих пор в прикиде трупа. Человек инстинктивно отшатнулся, а я вне себя от злости хватаю огнетушитель, валяющийся в багажнике, и с силой бью напавшего по голове. Икнув, он падает, как подкошенный, а я наклоняюсь над Мироном.

У него течет кровь, я не понимаю откуда.

Я достаю телефон и набираю номер Ольги. Только она может сейчас помочь, потому что она знает, кто такой Мирон.

Напавший на нас шевелится, и я снова бью его по голове огнетушителем. Я бы хотела ударить его еще и еще, но понимаю, что это неправильно, и ощупываю Мирона. И не чувствую его дыхания.

Совсем.

– Раненый там.

Очень высокий мужик с огромными ручищами отскочил от меня. Ну да, зашел – а тут труп. Блин, надо бы умыться.

– А...

– Это грим. Доктор, идите в дом, там вас Оля встретит.

Мы перенесли Мирона в дом – немудрено, что я не чувствовала его дыхания, ранен он серьезно, кровь мы остановили, но и только. Ольга позвонила, видимо, этому огромному человеку. Он приехал очень быстро, словно ждал вызова, и мне было велено встретить его. Ну а я что – я встретила. Я же не виновата, что до сих пор в гриме, который наложили заботливые ребята из полиции. Мне совершенно некогда было умыться. А поскольку я устала, то прикорнула в плетеном кресле на веранде, и док посчитал, что я и есть потерпевшая. Любой бы на его месте так решил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.